

Константин Бахарев

**Школа диких
сердец.
Выпускник**

Константин Бахарев

Школа диких сердец. Выпускник

«Автор»

2024

Бахарев К. П.

Школа диких сердец. Выпускник / К. П. Бахарев — «Автор»,
2024

Матвей Жебрак - бессмертный властелин или бездумная пешка в руках неизвестных богов? Главная цель его многовековой жизни найти друзей, с кем учился в отчаянных классах школы диких сердец. А пока полыхают Земля и Венера, космические пираты бьются насмерть с бойцами Понтификата и службой Великого Усмирителя. Яростные сектанты тайного ордена, надменные повелители Земли и планет, беспощадные свободники, рудокопы Марса, ждущие своего бога: со всеми приходится драться или заключать кровавые союзы выпускнику школы диких сердец.

© Бахарев К. П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Зеркало первое. Крысиный король	5
Жизнь выпускника – 1	8
Зеркало второе. Дженни	13
Жизнь выпускника – 2	17
Зеркало часовщика – третье зеркало	23
Жизнь выпускника – 3	26
Жизнь выпускника – 4	30
На пепелище	36
Жизнь выпускника – 5	39
Курок парень отчаянный	41
Жизнь выпускника – 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Константин Бахарев

Школа диких сердец. Выпускник

Зеркало первое. Крысиный король

Над Москвой неслись серые тучи, рваные, мятые, будто вырвались из хорошей драки и сейчас улепётывали от обидчиков в ближайший небесный травмпункт.

– Ауспиции весьма недурны, – подумал лейтенант Дрого. Он любил тучи; они никогда не обманывали, потому что никогда ничего не обещали. Это ещё Ремарк подметил, когда вспомнил давно забытую войну. Небо, табак, хлеб, деревья. Они не дают честных слов, за которыми часто скрывается ложь. Сейчас Ремарка никто не помнит, и дураки снова верят обещаниям.

Дрого надел боевой комбинезон пещерного бойца; тот обтягивал его, плотно приликая к коже.

– Вам вызов! – подбежал чумазый техник, один из тех, что готовил сейчас рапидган лейтенанта к схватке. Он протянул Дрого наушник с микрофоном.

– Любимый, когда ты вернёшься? – заворковала в наушнике Ребекка. – Ты помнишь, ты обещал, что мы поедem сегодня кататься на лыжах с вулканов? Я тебя люблю.

– Да, конечно, – сказал Дрого, хотя ничего такого не помнил. – Я вернусь через шесть часов, и мы поедem на вулканы.

Он отдал гарнитуру технику и тяжело взглянул на него. Тот затрясся от ужаса. Отвлекать пещерного бойца после того, как он надел комбинезон – нельзя!

Солнце закатывалось, тускло-жёлтые лучи погладили лицо лейтенанта нежарким светом, заодно выгоняя из его души всё, что не относилось к бою. Рапидган готов, Дрого лёг в ложемент, закрыл глаза. Миллионы датчиков, подобных чувствительностью человеческим нервам, активировались на корпусе боевой машины. Свет разных спектров, звуки многих диапазонов, движения, прочие раздражения мгновенно воспринимались ими и тут же сливались с комбинезоном, а тот через кожу лейтенанта, по сотням тысячам каналов восприятия передавал их пилоту.

Дрого одновременно видел, слышал, осязал, обонял и чуял все подземные туннели, пещеры, переходы, огромные залы и крысиные тропы. И хотя напряжение рабочего поля, создаваемого в подземельях гравикольцами, постоянно изменялось и туманило картинку, но этот люфт был в допустимых пределах.

Скоро тут появится бледно-сиреневый овал. Это рапидган Обормота, неведомого ранее пещерного бойца. Он крошил соперников, менял техников после каждого боя, и никто не видел его лица. Обормот уже стал легендой и сейчас за его схваткой с лейтенантом следили миллиарды жителей Солнечной системы.

Последняя протяжка, Дрого чуть шевельнул пальцами и рапидган плавно взмыл над площадкой. Техники масляными брызгами разлетелись по сторонам, – шеф в боевом режиме и может сжечь кого угодно.

Боевая машина, сияя зеленоватыми переливами сторожевой оболочки, чуть качнулась с бока на бок и вдруг, стремительно, изумрудным промельком, бесшумно ушла в бесформенный провал на месте, где когда-то стоял павильон метро Планёрная. Схватка началась.

Московское метро, восемь уровней которого стали полем боя пещерных бойцов, было необитаемо. Только крысы да лихие охотники за древними сокровищами шныряли тут.

Скорость рапидгана сковывалась гравикольцами, но они же полностью убирали инерцию движения, и сейчас Дрого, не снижая хода, мчался по давным-давно пробитым туннелям, моментально разворачиваясь без всяких заносов и юзов. Он знал эти лабиринты, все эти

тысячи подземных километров, как свои пальцы. Пора бы и сразиться. Но Обормот не показывался. Возможно, он рядом, крадётся, выискивая позицию получше, а может, ещё не решился зайти в метро. Невидимкой Обормот не сможет драться. Рабочее поле не даёт выбора. Или ты обозначаешь себя, или через два часа тебя выкидывают наверх. Регламент схваток строг и ясен.

Хотя, вчера был уговор, что никаких правил сегодня не соблюдать! Вспомнив об этом, Дрого чуть напряг бедро, отдавая команду и сразу же его рапидган пропал с боевой волны.

Сделал он это вовремя. Спиральная волна возникла справа сверху и покатила по туннелю, выжигая на пути бледную плесень, наросшую тут со времени последней схватки.

– Это не страшно, – Дрого увёл рапидган влево, к развилке трёх узких штреков, и перед ней вдруг резко послал машину вверх. Она пробила трёхметровый земляной потолок и скользнула на следующий уровень. А внизу, на развилке уже полыхали пурпуром и бирюзой скрестившиеся лучи засадных мин. Обормот явно гнал его сюда. Но о старом, засыпанном землёй колодце он не знал. А лейтенант Дрого знал, – сам когда-то настраивал гравикольцо здесь, чтоб не высыпалась земелька раньше срока.

Враг умён и коварен. Сотни мышц лейтенанта включились в работу, отдавая команды. Рапидган метнулся по туннелям, рассыпая звёздчатые мины, прокаливая плазмой отвороты в пещеры.

Огромный зал, где до сих пор сияют огнями колоссальные люстры. Отсюда когда-то шли поезда в Иран, Турцию и на берега слоновой кости. Внешние датчики уловили лёгкое движение по стенам зала. Миллисекунда на опознание. Крысы, сотни крыс и пять человек, явно мародёры. Все они замерли, боясь попасть под выстрелы рапидгана. Только сердца их колотились от страха, этот шум и слышали нервы боевой машины.

Надо уходить на большую петлю. Рапидган заметался по туннелям и узким переходам, поднимаясь выше, на первый уровень. Уже прошло почти сорок минут схватки, и рабочее поле через час с небольшим выбросит его наружу, бой окончится.

Ничего, успеется. Обормот, хоть и невидим для лейтенанта, участи своей не избежит. Сейчас он тоже бросится вверх, там больше сходов в подземелья. Мелькнуло воспоминание, как рассказывал об этом манёвре Ребекке и она восхищалась его умом.

Дрого выскочил из туннеля под стеклянный свод над бывшей Партизанской. Скорость два Маха, разворот на сто восемьдесят градусов и нырок в соседний туннель. Вот и провал, а по нему вниз. Противник безусловно зафиксирует остаточное возмущение в работе гравиколец и ринется за ним, а там Дрого устроит засаду. Обычная засада с предсказуемым результатом. Скоро можно будет обнять капризную Ребекку.

Шахта главного хода, идёт на полкилометра вглубь, открыта, вся просматривается. Рапидган упал в неё, и пролетев метров триста, встал и тут же ударил пучком синих лазерных лучей по стене. Две секунды и готова дыра, там проход в замкнутое кольцо бывшего ремонтного цеха. Отсюда ещё один рывок. Напряжение гравиколец скакнуло, враг рядом, несёт огромный запас ударной энергии, даже мурашки по спине прошлись. Не страшно.

В мозгу быстро метались картинки. Ремонтный цех позади, и гравикольца здесь не стоят. Отличное место! Рапидган чуть замедлил ход и сзади прилетел залп Обормота. Дурачок, не учил физику. Боевая машина Дрого, лишённая энергии от гравиколец, впитала весь заряд противника без всякого ущерба.

Лейтенант отчётливо увидел на фоне рабочего поля зависший на миг рапидган Обормота. Ответный удар, и враг содрогнулся, сторожевая оболочка помутнела. Добивать!

Обормот прожёт оставшимися лазерами пол кольцевого туннеля, нырнул в дыру, Дрого бросился за ним. Здесь гравикольца держат поле, скорости огромны. Некуда деваться Обормоту. Впереди центральный зал московской подземки.

Пробив глину, бетонный пояс и мраморную облицовку, рапидган Обормота вывалился в громадную, ярко освещённую жёлтыми огнями полость. Тут же выскочил лейтенант. Секунда и враг исчезнет в лиловой вспышке.

Но рапидган Дрого вдруг провалился и упал на пол. Его блокировали, отсекали от рабочего поля. Не страшно. Но тут же по лейтенанту ударили пять узких прерывистых лучей с разных сторон.

Вот что значит правил нет! Пять боевых шаров, примитивное, но в засаде очень могучее оружие. У нападающих пара секунд, или им конец. Шары заметались под потолком центрального зала, их лазеры испаряли мрамор, поднимая тучи мелкой пыли. Дрого даже увидел сидящих в шарах людей. Это были те, что недавно лежали здесь вместе с крысами.

Одним колебанием спиральной волны лейтенант испарил шары вместе с боевиками. Обездвиженный рапидган Обормота валялся у выхода в туннель, над которым вдруг загорелось чудом уцелевшее древнее табло обратного времени.

Цепным излучателем Дрого вскрыл боевую машину врага. Обычно лейтенант не делал так. Просто сжигал противника, не интересуясь им. Но Обормот заставил себя уважать. Кто это такой?

Из рапидгана выпала маленькая фигурка в потускневшем комбинезоне, задёргалась, встала на четвереньки, замотала головой. Шлем свалился, вывалились длинные спутанные волосы.

Дрого остановил боевой ход своей машины, оставил только навесную оболочку сверху, чтоб с развороченного потолка ничего не упало на голову. Выждал минуту, давая комбинезону отключился от рапидгана и сам вышел наружу.

Подожёл к Обормоту, взял за длинные волосы и резко повернул его лицом к себе. Ребекка!

– Здравствуй, любимый! – прохрипела та. – Ты в самом деле лучший боец пещер. Даже бойцы из моего гарема не помогли, ты всех убил.

В мозгу Дрого мгновенно пробежал план: оставить эту пададь здесь, загрузиться в рапидган и вернуться обратно. Ребекка, женщина-ловушка, в этот раз поймала сама себя. А ведь знал Дрого, знал, что нет никаких тайн в этих загадочных красавицах, и всё равно повёлся. Ребекка же оказалась одной из тех загадок, с виду многозначительных и манящих, на которые надо плевать сразу. Или всаживать такой загадке пару равнодушных пуль в башку и контрольный выстрел сверху. Просто и внятно.

Лейтенант разжал пальцы, мягко упали волосы и Ребекка ткнулась лицом в грязь. Дёрнув уголком рта, Дрого развернулся и пошёл к рапидгану. Сверху сыпались обломки, их держала упругая сторожевая оболочка. До боевой машины оставался один шаг, когда Ребекка выстрелила ему в спину из старинного автоматического пистолета.

Три пули пробиты сердце лейтенанта Дрого, он упал ничком.

– Я победила, – Ребекка выпустила пистолет из ослабевшей руки и поползла к своему рапидгану.

Со всех концов центрального зала начали осторожно подходить крысы. Они чуяли хорошее угощение. Лейтенант Дрого захрипел, изо рта пошла ярко-красная пена, кровь полилась на пыльный, грязный перрон и он снова умер.

Жизнь выпускника – 1

Матвей только развалился в своём кресле, бросив сумку рядом, как в вагон зашли парень лет двадцати пяти и две девицы. От них сразу понесло сладкой кислотой, модным нынче дешёвым афродизиак. Парень мутными глазами глянул на Матвея и быстро ушёл за одной из подруг, той, что посимпатичнее.

Они уселись подальше, рядов за пятнадцать от Матвея. Сразу видать – тупая деревенщина. Здоровенный дурень, считающий себя круче всех и две жены. Одна, пострашнее, для домашних работ, вторая, посимпатичнее, для секса. Всё как обычно, и ничего не меняется сотни лет. Уселись, даже не посмотрели в сторону Матвея и сразу принялись жрать. Да, деревня есть деревня. Или в дерьме роются, или трахаются, или жрут. Не жизнь, а мечта.

Матвей озабоченно помял бок у сумки. Вроде истончается кожа. Ещё бы, столько лет таскает её. Но как память хороша, надо будет после поездки оставить сумку дома, в коллекции раритетов. Сам делал, из кожи Нетупа. Замечательный был ублюдок. Единственный, кто смог убить Матвея дважды и чуть не прикончил в третий раз. Скотина. Гремел когда-то Нетуп в определённых кругах, сейчас никто его не помнит, кроме Матвея.

Над дверями вспыхнул транспарант: «Поездка началась». Пять часов до Австралии. Кстати, зачем эти дебилы туда едут? Все, кто хотел на гладиаторские бои, уже там. Поезд Мещера – Большая Арена пустой. Матвей вспомнил, что набралось буквально около сотни пассажиров. Почти все в третьем классе едут. Только здесь, в первом, они вчетвером.

Да, и отчего это деревенщина первым классом? Они ведь жадные, удавятся за грошик и вдруг шикают. Что-то вдруг зануло, закололо – беспокойство проснулось. Матвей расстегнул сумку, вытащил драйсер, подключился к сети контроля поезда, посмотрим на них поближе через камеры наблюдения. Так, чем занимаются деревенские? Жрут. Ага, у каждой девицы на левой руке браслетик с зелёными камешками. Замужние, официально, по закону свободных земель. Парень грызёт кость, зубами сдирая с неё мясо, похоже, сырое, впрочем, с них станется. Взгляд отсутствующий, будто думает о чём-то. Или он под контролем?

И тут Матвей вспомнил, отчего вдруг проснулось беспокойство. Когда шли по коридору посадки, у той девицы, что сексуальная, одна из ладошек на миг позеленела. Конечно, это может быть наложение света от разноцветных ламп. А может, и нет.

Проверить личность. Секунда, другая. Готов ответ – нет таких в базе. Бывает, бывает, сидели их племена в лесах или горных ущельях тысячу-другую лет, сейчас вылезли. Идентифицироваться не хотят – вера не позволяет, так и мотаются. В свободные граждане таких не запишут, кретинов и так достаточно, а вот в рабы запросто могут оформить, особенно парня. Здоровенные дураки всегда в цене.

Впрочем, обычно такие выезжают из своей вонючей деревни только за новым видом навоза или секс-игрушками. А эти в Австралию, на родину Безумного Макса. Подняв голову, Матвей глянул на тех троих. Они наверняка не слышали про Безумного Макса, и вообще, кроме Матвея, никто на Земле не помнил этого брутала. Давно это было.

– «А может, это марсанки? Кожа зеленовата, вполне могут быть», – Матвей насторожился. – «Как они проникают на Землю, проклятые твари?! Бывшие поклонники бога Ама-

ранта, то есть меня. Хорошая была афера, жалко, не удалась. Ну, это было давно, а сейчас надо сообщить в жандармерию Большой Арены».

Жебрак, сам будучи криминал-советником Центрального бюро жандармерии, ни секунды не сомневался. Дал по драйсеру сигнал тревоги, пусть местные проверят попутчиков. Хотел подремать, а сейчас вряд ли получится, марсанки известные полудурки, если это они. Да и деревенщина, пока по башке сапогом не получит, не успокоится, в случае чего. Будем бдить, в вагон-то никто не зайдёт сейчас до конечной остановки.

Прошло минут пять, как вагон стронулся с места. Поезд летел сквозь толщу Земли по прямой, к далёкой Австралии. Надо быть готовым ко всему, марсане любители скандалов. Парень, судя по всему, земной, на Марсе такие не рождаются. А девушки низкие, мощные, типичные марсанки. И почти пять часов впереди!

Одна из девушек огляделась, зацепилась взглядом с Матвеем, встала и двинулась к нему. Вторая уткнулась в какой-то экранчик, вода по нему тонким стилем.

– Грудь высокая, – машинально отметил криминал-советник. – Прямо на меня прёт. Драться, что ли, захотела? Так это в Австралии, там пожалуйста, вербуйся в любое войско и сражайся. О! Боже мой!

Левой рукой быстро выдернув из кармана куртки солнцезащитные очки, Матвей нацепил их на себя, пальцами правой руки нырнул внутрь сумки, нащупал ганьтер и достал его. Левой ладонью прикрыл нос и рот. Шортены бьют по слизистой, чтобы их отравы быстрее впиталась, обычно это происходит почти мгновенно.

– Стой! – закричал Матвей, направив ганьтер на девушку. – Повернись ко мне боком.

Тактика шортенов проста и эффективна. Одна девушка подходит к жертве метра на два-три, издали заводя разговор, отвлекая внимание. Руки висят спокойно, и её жертва ничего не подозревает. А меж грудей спрятана маленькая гидропушка. Ею управляет напарница. Когда расстояние сокращается до боевого, под напором вылетает маленькая тоненькая струйка. Поражаются глаза, рот, нос – без разницы; препарат впитывается в слизистые и жертва парализована. Дальше всё проще, несколько движений и попавшийся шортенам мужчина кастрирован. Сделан, так сказать, ещё один шаг на пути спасения Земли от перенаселения.

– Стой, стреляю! – Матвей прикрывал лицо, девушка была метрах в пяти. Как-то раз, примерно семь тысяч лет назад, он попался шортенам. Ощущения незабываемые до сих пор.

– Боком стань, боком! – привстав с кресла, Матвей отбежал в сторону, так, чтобы видеть оставшуюся парочку. Первая шортен замерла, растерявшись, вторая – оператор, подняла голову, глянула на Матвея, спрятавшегося за креслами, и решительно ткнула стилем в экранчик.

Парень вскочил и зарычал.

– Марсанки из секты шортенов, да ещё и с мужиком в прикрытии! – мелькнуло в голове криминал-советника. – Ну почему опять всё на меня!?

– Всем лежать! – закричал он. – Сожгу, я жандарм!

Парень легко, как травинку сорвал, вырвал кресло из пола и швырнул в Матвея. Тот отпрыгнул в сторону – война так война, жалеть врага, себя погубить. Из ствола гангстера полилась струйка миниатюрных капсул. Ударяясь о стены, потолок, кресла, они вспыхивали облачками плазмы. Обе девушки успели броситься на пол, а парень моментально окутался оранжевым пламенем. Он успел только что-то выкрикнуть и осыпался пеплом.

Тут же из стен вагона выбросило потоки пены, гася огонь. Засвистела вентиляция, втягивая дым, вагон слегка затрясся. Матвей знал, что на пульте диспетчера, управлявшего поездом, появился знак аварии. Значит, в Австралии их встретят ещё и пожарные. Но ехать ещё больше четырёх часов! В круговерти сажи, обрывков пены, клочков дыма Жебрак сумел увидеть боевую шортен. Та сидела на полу, прикрыв голову руками. Матвей ударил её по затылку и выхватив из кармана куртки нитку наручников, быстро стянул у девушки запястья за спиной. Вторая шортен протирала глаза, когда криминал-советник скрутил и её.

– Сейчас можно ехать, – пробормотал Матвей, оттащив девушек поближе к дверям. – Больше не поеду на этом поезде. Никакого отдыха, одни приключения.

Воздух в вагоне очистился, поезд всё так же бесшумно падал к Австралии. Время текло медленно, но наконец цифры на табло перешли на быстрый отсчёт оставшихся секунд. 0:04, 0:03, 0:02, 0:01. Прибыли!

– Добро пожаловать в страну Большой Войны! – проговорил информатор, дверь открылась и внутрь заглянул местный диспетчер.

– Всё нормально? – спросил он, найдя взглядом Матвея.

– Отлично! – ответил тот. – Вызывай жандармов!

Кабинет шеф-жандарма Австралии прохладный, окна выходят на океан. Приятный вид.

– Это четвёртое убийство счетоводов за три года, – шеф-жандарм подвинул к Матвею картонную папку. – Убийцы не найдены.

– Ну, по трём убийствам розыск прекращён, насколько я помню, – Матвей подвинул папку обратно. – Семьям двух счетоводов выплачены компенсации, ещё один был одинок. А этот, которого зарезали вчера, семейный?

– Нет, – шеф-жандарм мотнул головой. – С него сняли ошейник неделю назад, он подал заявление на вступление в права гражданина.

– Его приняли?

– Нет, это же нескоро, даже документы не успели обработать.

– Так зачем тогда сообщали об убийстве? – покачал головой Матвей. – Официально он не гражданин, значит, и преступления нет.

Шеф-жандарм почесал лоб и вздохнул. Матвей знал, что тот хочет перебраться в Центральное бюро и строго бдит за обстановкой, не допуская служебных проколов. Убили счетовода, уже не раба, но и не гражданина. Подстраховался, сообщил начальству. Можно было и без выезда, конечно, разобраться, но Матвею надо было на «Большую Войну». Прочитав утреннюю криминальную сводку по Земле, он запланировал поездку под предлогом раскрытия убийства счетовода. Босс утвердил без вопросов, впрочем, как и всегда – знал, что Матвей Жебрак делом занимается.

На самом деле он приехал сюда, узнав, что в нынешних боях участвуют гладиаторы с Венеры и Титана. Может, среди них найдутся его однокашники по школе диких сердец. Около сорока тысяч лет назад, когда Стас начал испытание своего прибора – генератора авергентной энергии, всё вдруг пропало, а Матвей очнулся внутри какого-то медицинского комплекса. Потом узнал, что за это время прошло около пятнадцати лет. С тех пор он приходил в себя в том месте примерно триста раз. Отчего бы Матвей не умирал, как бы его не убивали – провалившись в бездну света, он слышал мягкий щелчок. Это был знак нового возрождения.

Тридцать восемь тысяч лет Матвей Жебрак искал своих однокашников. Может, и они где-то возрождались? Земля менялась, шли жуткие войны, опустевали целые континенты, и снова заселялись. Эпидемии выкашивали миллиарды, люди бежали в космос, осваивали Луну, Марс, Венеру, Титан, строили крепости на орбитах Юпитера и Сатурна. Сейчас на Земле всего полтора миллиарда живёт. Новый цикл заселения планеты только начался. Примерно столько же в космосе обитает на известных планетах и форпостах. Однако, никто не считал, сколько болтается меж планет и комет свободников – беглых рабов, создавших в космосе бандитские республики. Никто точно не знал, сколько живёт людей на Венере. На Марсе недавно Понтификат навёл порядок, вырезали более трёх миллионов рудокопов, а сколько осталось? Неизвестно, кто живёт в Африке, там только на берегу Средиземного моря есть посёлки, а что южнее – неведомо. В тайге, лесах и джунглях Сибири, Китая, Индии обитают тысячи племён и групп. Сколько их, кто там живёт и как? Никто не знает и никому не интересно. Матвей Жебрак побывал во множестве мест, но пока никого из однокашников не нашёл.

Глухой стук, это шеф-жандарм вытащил из шкафчика и поставил на стол деревянные стаканчики. Сейчас налёт очень популярный среди нынешней элиты напитков – самогон из осьминогов. Отвратительно. Так и есть, наливает из деревянной фляжки, вонь ужасающая. Через пару секунд в кабинет заглянул дежурный жандарм, на запах потянулся.

– Пошёл! – махнул ему рукой шеф-жандарм. Тот пропал, скорчив жалобное лицо.

Матвей Жебрак в самом начале своего бессмертного пути застал разные алкогольные напитки. Некоторые были прекрасны. Из них он ценил кукурузное виски, рябину на коньяке, куантро и разные настойки на спирту. Делал всё сам, по волеу времени сбережённым рецептам и методам, разливал в стеклянные бутылки. Спиртное хранилось у него дома, на тайном ранчо в алтайских горах. И, как Жебрак знал почти доподлинно, больше на Земле такой коллекции не было ни у кого. Выпили самогону молча, посидели, шеф-жандарм предложил ещё, но Жебрак отказался, дескать, надо идти.

– Убийства нет, но попробую найти преступника, – сказал он, поднимаясь. – Потренироваться надо. А то уже месяца два никаких преступлений. Где это случилось?

Убрав фляжку и стаканчики, шеф-жандарм протянул ему папку с документами. И тут же, хлопнув себя по лбу, вытащил из стола кованую медную бляху.

– Это пропуск везде в Австралии, – сказал он. – Даже на Большой Арене.

– Хорошо, – Жебрак повертел увесистую пластину с чеканными буквами S и P. – Кстати, тех девиц, что напали на меня, куда отправили?

Оказалось, что тех уже приговорили к вечному поселению на Венере, служить будут в доме развлечений. Все инструменты и оружие изъяли.

– Отправьте мне в Бюро, – сказал Жебрак, шеф-жандарм кивнул.

По уничтоженному парню: собрали пепел, проверили. Деревенщина, судя по генной структуре, откуда-то с берегов Дикого моря (Каспийского).

– Спасибо, – Матвей пожал руку коллеге. – Вся информацию по инциденту тоже мне. Благодарю за помощь, доложу о вашей всенепременной поддержке. Удачи.

От офиса жандармерии Жебрак полетел на служебном коптере. Отличный обзор, кабина полностью из прозрачной брони, будто сидишь на воздухе. Отключив служебные – сине-оранжевые – огни, Матвей крутнулся над океаном, проверяя ход и взял курс на Большую Арену, там, где сотни лет бились гладики, на потеху и для развлечения землян. Медная бляха от шеф-жандарма висела рядом, уже настроившись на служебный коммуникатор Жебрака.

В открытые форточки коптера бил, завихряясь и кружа по кабине, свежий ветер, и Матвей вспомнил, как на четвёртой или пятой жизни он служил в каком-то банке и его послали в Сидней решать проблему неплатежей. Надо было серьёзно наехать на кредитного откупщика, а если тот заартачится, Жебрак имел право застрелить его. Банки тогда обладали колоссальной властью, имели собственные армии и миллионы рабов. Матвей относился к свободным гражданам и сам, помнится, являлся владельцем пары сотен крепостных.

Зеркало второе. Дженни

В Сиднее была зима и снег падал каждую ночь, утром он истаявал и потоки грязной жижи лениво струились по лопнувшему асфальту дорог и тротуаров, застаиваясь в трещинах и ямах. Машина ехала медленно, электромотор завывал и визжал, когда колеса застревали в рытвинах.

– Никто не платит, – откупщик часто мигал, глядя Матвею в глаза, отводил их и быстро шлёпал рукой по затылку водителя, крича, чтоб ехал аккуратнее.

«Он ещё боится меня», – отметил Жебрак. – «Значит, дело ещё может сложиться»

– У вас оплата не больше десяти процентов вот уже второй год, – сказал он и плюнул в сторону водителя. Тот вжал голову в плечи и не стал вытирать плевков с руки, вдруг важный гость рассердится и прикажет его казнить.

– Сразу скажу, что у меня есть полномочия закрыть наши отношения в полном смысле, – Жебрак глянул в окно; уже въехали в Сидней. Когда-то рядом с ним были сосновые рощи, огромные, с чарующим запахом смолы и хвои, а рыжиков тут росло просто невероятное количество. Сейчас всё вырублено, появились какие-то промасленные постройки, обитающие там полуголые людишки, втянув головы в плечи, тупо смотрят, как мимо едет огромный автомобиль одного из хозяев их жизней.

– Так у нас эпидемия, – робко сказал откупщик.

– Я слышал, – Матвей глянул на него. – Так вылечились же все. Сообщали об этом.

Откупщик затряс головой.

– Вылечились только свободные граждане, да и то четверо умерли, а рабыдохнут тысячами. Работать некому, вот и долги выросли.

Жебрак отвернулся. Вечная проблема статистики. Никто не считает рабов, не занимается их вопросами, кроме хозяев, никто даже толком не знает, о чём те думают. Бунты молниеносно подавляются, а остальное не волнует. И вот на тебе: вымирание рабов угрожает экономике. Причём даже их размножение, постоянное и бурное, так как это единственное их развлечение, которое всячески поощряется, не перекрывает смертность.

Надо разобраться с откупщиком – принесёт ли его казнь результат или это не практично? А сделать это просто, надо узнать, есть ли желающие занять его место. Если нет, то и возиться нечего, закрывать отношения и списывать расходы в убытки. А откупщику пригрозить и сказать, что если вернёт хоть половину долга, снова дела с ним будут вести.

В офисе Матвей выбрал себе место для работы на террасе, этаже на семидесятом высотки, она полностью принадлежала откупщику. Сюда приезжали за кредитами со всей Австралии. И откупщик кредитов был, наверно, самым богатым тут, в стране кенгуру и динго.

Переговорив с его сотрудниками, Матвей уяснил, что никто не хочет занять место шефа. Люди напряжённые, с изнурёнными глазами, им было страшно. Они бы с удовольствием сбежали из Австралии, но жёсткий внешний карантин не давал этого сделать.

Дженни Поточински зашла предпоследней. Широкие шаровары алого шёлка, белая просторная блузка, ожерелье крупных ярко-красных кораллов, сверкающих сотнями лучиков, и конечно, босиком, как и положено по австралийской моде свободных людей.

– Есть мысли, как вернуть долги? – дежурно спросил Матвей.

Дженни уселась, закинув ногу на ногу, посмотрела в глаза Жебраку и тяжело вздохнула.

– Вы понимаете, что рабы это тоже люди, и что спасать надо их тоже, – мягким грудным голосом сказала она. – Только так можно прекратить эпидемию.

«Бунтовщица», – решил Матвей, в голове уже мелькнуло стандартное решение: «Уточнить, считает ли Поточински рабов равными свободным людям, если да, то вынести решение о передаче её на исправительные медицинские исследования».

Он только открыл рот, чтобы задать вопрос, решающий судьбу молодой женщины, как вдруг увидел узкую ладонь, которой Дженни поправляла ожерелье, тонкие, почти прозрачные её пальчики, и где-то в груди, рядом с сердцем, возник мягкий комочек, заставляющий дышать глубже. Матвей знал, что это. Это его потянуло к этой женщине. Ему захотелось взять Дженни на руки, обнять и молча держать так, слушая бесшумное дыхание и слабый ток сердца.

«Это невозможно», – Жебрак откинулся назад, на спинку кресла, чтобы свободнее дышать: «Она умрёт, также как Оксана и Марта, а как же я? Как мне, бессмертному, пережить смерть любимой? Это ужасно».

Он сопротивлялся, но уже знал, что это бесполезно. На всякий случай Матвей глянул на свой страховой датчик. Ничего не изменилось на террасе, состав воздуха прежний, электромагнитное поле стабильное. Никто на него не действует. Это химия тела, почувшавшего ту самую свою половину, без которой жизнь не имеет смысла.

– Тема этого разговора серьёзная и большая, – сказал Матвей, глядя на голые щиколотки Дженни, на одной из которых болтался чёрный горошчатый браслет, отсверкивающий золотыми бликами. – Утром заезжайте за мной сюда, прокатимся по Сиднею, расскажете, какие у вас есть мысли в отношении рабов.

Дженни встала и ушла. Матвей закурил. Эту привычку у него не могли вышибить даже кровавые законы диктатуры трансгендеров, правивших сто лет назад. Наверное, он был сейчас единственным легальным курильщиком на Земле.

«Я не знаю, кто она», – думал Матвей, глядя на последнего служащего. Тот размахивал руками и бормотал, что надо менять экономическую систему в целом, что банковский кредит себя изжил и необходимо вводить принцип свободных денег.

– Если вы казните откупщика, будет лучше для всех! – уже вопил истеричный служащий. – Австралию ждёт экономический рост, поголовье рабов увеличится, эпидемия уже на исходе, самое лучшее время для реформ!

– Спасибо, – сказал ему Матвей и показал на дверь. Собеседник сразу заткнулся. Эмиссары банка дважды не повторяли, могли пулю в лоб влупить запросто. Служащий вскочил и убежал.

«Может, у неё есть партнёр или даже муж, возможно, даже совсем гетеросексуальный, и она счастлива», – Матвей свернул самокрутку и закурил снова. Но зачем она заботится о рабах, явно делать нечего ей, или хобби, или искренне говорит. Раньше были такие оголтелые зоозащитницы, но Дженни не похожа на них. Может, она и вправду страдает за людей? Ведь рабы тоже люди, Жебрак знал это совершенно точно.

«Завтра посмотрим», – решил он. – «Зачем я приехал сюда?! Нельзя мне любить. Нельзя!»

В посёлке рабов пахло гнилью. Мужчины и женщины, все только в набедренных повязках, ссутуленные, с опаской поглядывали на большой тяжёлый автомобиль, качающийся на дорожных ямах.

– Вот, смотрите, – Дженни остановила машину. – Видите здание на краю деревни, с чучелом кенгуру на крыше?

Жебрак кивнул. Ему здесь не нравилось, отвратительное, мерзкое место, только рабам тут и жить. Он приопустил стекло: вонь, как будто сидевшая в засаде, бросилась в лицо, прямо облепила щёки, лоб, забила нос. Сморщившись, Матвей закрыл окно.

– Почему так противно пахнет? – спросил он, вытирая лицо платком. – Рядом ручей течёт, из него?

Дженни повернулась к нему.

– Да, это течёт гной из хижин, – ответила она. – Дома рабов переполнены трупами и больными. За ними никто не ухаживает, а врачи здесь не бывают. Поэтому рабы спасаются от болезни по своему. Пойдёмте, я покажу.

Опустив забрала лёгких скафандров, они вышли из машины и пошли к тому самому дому, с кенгуру на крыше. Возле него полукругом стояли грубые лавки, где сидели и что-то тихонько выли рабы.

«Эмоционально переключаются», – машинально отметил Матвей: «Готовятся, что ли, к чему то?»

Увидев пришельцев, рабы не поменяли тональность, а только склонили головы, как и положено делать при виде свободных. Дженни взяла Матвея за руку и повела внутрь дома. И тут им навстречу, шатаясь, вышла голая женщина. Она выла, вцепившись руками в волосы и раскачивалась. Изнутри донёсся жуткий визг, и в двери выскочила ещё одна рабыня.

Жебрак увидел, что к её ноге прицепилась толстая верёвка.

«Сбежала с привязи, видимо», – решил он и оцепенел. Это была змея, красивая, медного окраса. Буквально на пороге она отцепилась от женщины, поёрзала и поползла обратно в дом.

Дом оказался забит рабами. Они молча вздымали вверх руки, и качали головами. То один, то другой из них делал пару шагов вперёд, на песчаный круг, освещённый подвешенной к потолочной балке лампой.

Вдруг Матвей крепко прижал к себе Дженни. Он уже считал её своей женщиной и как всякий мужчина уже оберегал, хотя опасность всё ещё не была ясна ему.

На песке лениво ползали змеи. Медные чешуйки отблескивали на свету. Были и другие, не такие красивые, но более длинные, резкие, с хищными мордами. Рабы один за другим проходили по кругу, замирая в центре. Некоторых из них кусали змеи и те, получив укус, выбегали прочь. Остальные, постояв немного, уходили в темноту.

– Они решили, что только змеи спасут их, – Дженни посмотрела Матвею в глаза и мягко освободилась из его объятий. – Якобы те кусают только больных, которым и так суждено умереть. На кого пал выбор тайпанов и медноголовых, уходят в свои хижинки умирать. Они гниют там, а гной бежит в ручьях. Но ведь они люди. Я знаю, раньше все люди были одинаковые, и помогали друг другу.

Матвей взял её за руку и потащил отсюда, под ноги ему попала настырная змеюка, внезапно появившись из тьмы, она резко ударила его в ногу, но скафандр не прокусила. Пинком Жебрак отбросил её в сторону, змея упала на плечи одному рабу и несколько раз быстро укусила того в шею. Раб упал и забился в конвульсиях.

Как никто другой на Земле, Матвей знал и про демократию, и про народовластие, и даже про мультикультурализм. Но объяснить всё это Дженни он решил где-нибудь за пределами Австралии.

– Ты поедешь со мной, – сказал он ей. – Я беру тебя к себе в управление. У нас много дел. Здесь никого уже не спасти. Будем помогать людям в других местах.

Жизнь выпускника – 2

Коптер сделал круг и по спирали пошёл вниз. Здесь, на южном берегу Австралии, началась Большая Арена. Сотни и сотни лет богачи устраивали тут сражения своих армий. У поклонников этого спорта были свои бойцовые школы, где обучались воины. Но многие покупали себе гладиаторов на Венере, или брали из захваченных свободников. Лучшими бойцами считались марсане – одичавшие в подземельях Марса потомки землян. Но их вывозить запрещалось. По слухам, только Великий Усмиритель имел в своей гвардии несколько марсан. Но ему можно многое, даже Понтификат его побаивается, вроде бы.

«Как я найду своих? Зачем приехал? – думал Жебрак, шагая по травяной дорожке. – Но ведь что-то заставило меня? Ладно, делай что считаешь нужным, Матвей. А там видно будет».

Во время сотен восстановлений Жебрак изменился неузнаваемо. Каждый раз медцентр выводил ему для просмотра действующий генный код и каждый раз он менялся. Понемногу, но менялся. Тридцать восемь тысяч лет назад Матвей был невысоким, русоволосым, косолапым парнем с серыми глазами. Сейчас он смуглый, высокий, широкоплечий. А глаза сияют фиалковым цветом. Однокашники же, если вдруг выжили, и если тоже восстанавливаются, наверное, тоже меняются. Как их узнать? Всё равно надо искать, должен быть смысл в его длинной бессмертной жизни!

Чугунные ворота в гранитной стене распахнуты настежь, толпы желающих посмотреть на массовые убийства не спеша идут внутрь Большой Арены. Летать над ней нельзя, даже жандармам, и по слухам, людям Великого Усмирителя тоже. А гвардия Понтификата сюда не совалась сотни лет.

Десять воротчиков проверяли входные билеты. Матвей прошёл, не глядя ни на кого. Рядом с ним плыла жандармская бляха. Спорить с её обладателем было опасно, смертельно опасно. Поэтому никто и не спорил.

Десятки гравиплатформ развозили сотни зрителей по выбранным секторам. Матвею на входе сунули толстый журнал. Каждый лист в нём – один сектор с описанием боёв и участников.

– Иди сюда! – Жебрак махнул рукой одному из парнишек, бегавших с бутылками и всякими закусками. Тот быстро подошёл, поглядывая на бляху.

– Где казармы гладиаторов?

– Вон там, – парнишка мотнул головой. – Только далеко туда, надо платформу брать. Я могу провезти, всего четыре кредита, недорого.

Минут через двадцать Жебрак увидел длинные двухэтажные бараки, тянущиеся километров на пятьдесят вдоль стены. От стартовых площадок перед ними уже отлетали транспортники, гладиков начали развозить по секторам.

– Оставь платформу мне и беги обратно, – велел Жебрак, он кинул парнишке монету в пять кредитов. Тот спрыгнул на землю и помчался торговать дальше. Пять кредитов – его

месячный заработок, он и не надеялся на оплату, от жандармов проще дожидаться пинка или затрещины.

Гладики выстраивались рядами вдоль барачков, готовясь к погрузке. Разные сектора разделены энергобарьерами, чтоб бойцы не смешивались меж собой. Это очень дорого, но работогны могут себе позволить. Сегодня они заработают миллиарды.

Матвей не спеша, медленно, двигался вдоль строя. «Кого я ищущ?» – думал он. – «Как узнать тех, кого не видел десятки тысяч лет? Но ведь что-то погнало меня. Предчувствие опять сработало».

Платформа легко скользила возле барачков, легко проходя энергобарьеры. Несколько тысяч гладиков в набедренных повязках, железные заострённые палки в руках, следующий строй – яркие комбинезоны, каски, оружие огнестрельное, лазерное, современное. Кого только нет! На любой вкус любителей смерти.

Удерживаясь на ровном курсе, Матвей поглядывал на лица гладиков. Все они спокойны, невозмутимы, иногда проверяют оружие, разминают мышцы. Многолетние программы воспитания в духе обязанности отдать свою жизнь за господина, соответствующие препараты, и в результате беспощадные свирепые воины, на потеху зрителям и на радость бладемейкерам, готовы к бессмысленному, но прибыльному бою.

Платформа мягко ткнулась в барьер, остановилась. Впереди загружался транспорт, гладики, с множеством железных шаров на перевязях, легко вбегали в него по трапу.

– Стой! Стой! – закричал кто-то, Жебрак увидел высокого работогна в короткой юбке, просторной рубахе, голова обмотана сверкающей тряпицей.

– Не ездз здесь! – сердито сказал он, подойдя к платформе и тут же заметив жандармскую бляху, испугался и поклонился. Жебрак молча смотрел на него, думая, что, наверное, пора уже возвращаться домой, в своё имение на Алтае. Никого он тут не нашёл.

– Желаете посмотреть на бои, господин жандарм? – ласково спросил работогн и не дожидаясь ответа, запрыгнул на платформу: – Я здесь главный, на двадцать секторов. Всё знаю, всё покажу.

Он резко развернулся и тут же бляха метнулась между ним и Матвеем. Она загудела и Жебрак медленно сказал, глядя, как бледнеет работогн: – «Режим наблюдения».

Бляха отплыла к его плечу и утихла.

– Давайте, я вам разминочные бои покажу, – предложил работогн, часто дыша от страха. – Их никому не показывают, гладики там готовятся.

– Поехали, – кивнул Матвей, ему было всё равно. И тут его окатило ощущение, что этот работогн ему знаком, поведение, движение. Да нет, это невозможно. Никогда раньше не сталкивался с ним. Жебрак прикрыл глаза, работогн стоял у штурвала впереди. Всё равно надо проверить, кто это. Коснувшись пальцем бляхи, он прокрутил запись назад, вот хозяин двадцати

секторов подходит к платформе, хорошо виден, пусть идентифицируют его. Ответ направить ещё к нему, на службу.

– Как тебя зовут? – спросил Матвей.

– Борбан, – ответил услужливо рабогон. – Меня тут все знают, – он смущённо улыбнулся: – Не желаете ставочку сделать, могу подсказать хороший вариант.

Матвей отказался.

Рабогон гнал платформу по каким-то просекам, мимо поваленных деревьев, проскакивал над речками и болотами, видно, носился здесь частенько. И через полчаса они вылетели на край пологой котловины, кое-где заросшей кустами. Откуда-то доносились жалобные крики и победные вопли. Котловина уходила в сторону, извиваясь, и рабогон двинул в сторону криков, поднявшись метров на шесть вверх.

Рядом справа внизу мелькнуло что-то полосатое. Слегка повернув голову, Матвей увидел, как сбоку от платформы бежит лев. За тысячи лет они изменились. Когда-то давно завезённые в Австралию, они стали крупнее, чем их африканские предки, чёрная грива отливала синевой, на шкуре ясно проявился клетчатый узор. За львом размашисто бежали три львицы. Отличались только размером – были поменьше и без гривы.

Вот прайд наткнулся на пару трупов, остановился, начал рвать покойников. Очевидно, не повезло гладикам, подумал Матвей, а почему же здесь нет зрителей на платформах, да и вышек для телекамер не видно.

– Вот, смотрите, – остановил платформу Борбан.

По широкому полю носились голые люди, а за ними гонялись гладики, стреляя в них из луков, стреноживая тех с помощью боло, рубя мечами и саблями, протыкая копьями. Рядом пировали четыре прайда, а из болота неподалёку ползли с десятков крокодилов.

– Это что? – удивился Матвей.

– Гладики кровь себе разгоняют, – ухмыльнулся рабогон, повернувшись к нему, и Жебрака кольнуло, он точно его видел раньше.

– Рабам предлагают заработать на боях, принести-унести, или самому в боях подраться, они и соглашаются, – продолжи тот. – А сюда выгружают, гладики их режут, крови попробуют, злее становятся.

Матвей только помотал головой, всё-таки привыкнуть к постоянному обману, убийствам и массовым казням даже за десятки тысячелетий трудно. И хотя шкура у Жебрака давно задубела, но порой становилось не по себе. И тут к платформе бросились человек тридцать рабов.

– Помогите! – орали они, оглядываясь на пятерых гладиков, неспешно бежавших за ними. В толпу голышей врезался львиный прайд, хищники начали рвать беззащитных рабов.

Трое подбежали к самой платформе и задрав головы вверх, начали просить о спасении. Рабогон смеялся и плевал в них. Кто-то из гладиков метнул копьё и пробил спину одному из рабов.

Матвей с трёхметровой высоты смотрел на происходящее, зацепенев. Львы рвали голышей, гладики резали их мечами, кололи копьями. Рычание, вопли, стоны!

– Господин Кикаха! Господин Кикаха! – вдруг истошно закричал один из тех, кто подбежал к платформе. – Я помощник инспектора с Венеры, я кондуктор! Помогите!

Матвей, очнувшись, дал знак рабогону снизиться. В этой жизни его звали Кикаха, он взял это имя в память об одном весёлом герое давних лет. Платформа резко упала вниз, часть защитного поля сдёрнулась, и в этот спасительный проём скакнул и кондуктор и второй голыш. Они тяжело дышали: так, что рабский ошейник дёргался вверх-вниз, колотя по ключицам.

– Поехали обратно, – велел Жебрак и глянул на раба с Венеры.

Тот, вытаращив глаза, смотрел на бойню внизу, руки его тряслись. Второй сел на пол и уткнувшись лицом в колени, беззвучно зарыдал, у него тряслись плечи.

Платформа неслась над бушем, поросшем ёлками и вязами; рабогон, иногда оборачиваясь, поглядывал на спасённых и на Матвея.

– Откуда ты меня знаешь? – спросил Жебрак раба.

– Я был в услужении у Лабатто, главного жандарма, – быстро заговорил тот. – А четыре года назад меня послали на Венеру, помогать въездным инспекторам. Обещали снять ошейник, я уже был старшим кондуктором. Но моего инспектора что-то убило, когда пришёл корабль с Луны. У него взорвалась голова. Я остался без командира и капитан грузовика предложил мне вернуться на Землю. Премьер-кондуктор разрешил, я надеялся снова попасть к Лабатто, но капитан продал меня кому-то и вскоре я оказался здесь. Господин Кикаха, возьмите меня к себе.

Матвей молчал, рабы ему были ни к чему. Они не были нужны. Рабы всегда хотели избежать наказания и потому всегда лгали, предавали. Цель жизни у них была проста – сохранить свою шкуру.

– Я могу рассказать, как угнали корабль корпорации «Мамтел» с мясом год назад, – сказал бывший кондуктор. – Он числится пропавшим, но я знаю, что его увели к свободникам.

Рабогон включил автопилот и повернувшись, внимательно слушал рассказ. А Жебрак удивился тому, как причудливо сплетается нить событий. Именно он в прошлом году занимался розыском того грузовика. А сейчас нашёлся некий источник сведений по этому происшествию.

– Как быть с ними? – спросил Матвей рабогона. – Они ещё в собственности, или списаны?

– Первый раз такое дело, – пожал тот плечами. – Их продали Большой Арене, в моём секторе дали на списание. Надо уточнить у лидера боя, как поступить. Вы хотите забрать их себе?

Матвей глянул на второго раба. Тот перестал трястись и поднял голову, в глазах тоска и ярость.

– Да, обоих, если это возможно, – кивнул Жебрак. – Давай оставим их в спокойном месте, откуда не сбежать и чтоб они уцелели. Посмотрим на схватки гладиков, потом с лидером боя пообщаюсь. Сейчас ему, наверное, некогда, скоро начнётся.

– Да, закрутится всё вот-вот, – рабогон посмотрел на синхронизатор. – Осталось около часа до открытия Большой Битвы. Раз в четыре года проходит. Когда-то давно по всей Земле такие игры были, лет пятьсот назад. Мне лидер боя про это говорил. Сначала только мало кого убивали, а это же неинтересно. Нынче кровь реками и морями бежит. Уже, уже, – он глянул снова на синхронизатор: – Уже около полутора тысяч рабов прикончили, ого! Три гладика погибли. Хороший знак! Сорвём сегодня хороший куш! Вы так и не решились на ставочку?

Рабы сидели молча, стараясь не привлекать к себе внимания. Их высадили у ворот, отвели в караулку и дали воды. Жебрак с рабогоном направились в сектора боёв.

Самые высокие ставки были там, где бились железные машины. Паровые движки извергали белый пар, угольные котлы чадили вонючим чёрным дымом. Четырёх-, трёх-, пяти-, шестиколёсные, эти грохочущие выродки прогресса медленно ползали по равнине, укрываясь за пригорками и выщербленными снарядами рошицами. Иногда они останавливались, стреляя из пороховых пушек. Когда железные машины сближались, с бортов прыгали гладики, и паля из убогих ружей, пытались поджечь чужой транспорт. Болельщики сидели в огромном зале, наблюдая за побоищем на экранах, развешанных на стенах или по личным мониторам. Многие выходили на обширную террасу, оттуда в бинокль можно было разглядеть сражавшихся.

Рабогон провёл Матвея в служебный зал, здесь было больше экранов. Сидевшие там покосились на Жебрака, но увидев жандармскую бляху, отвернулись.

– Вот тут садитесь, – рабогон усадил Матвея в кресло. – Здесь Мясорубка идёт, чрезвычайно увлекательное зрелище. Должен остаться только один гладик. Всего их около семисот сейчас воюют. Пока в командах, потом начнут друг друга резать. Ставки просто закачаешься! Уже восемьсот миллионов в обороте.

Оставив Матвея, Борбан бросился к своей команде. Время летело, принося рабогонам сказочные прибыли.

На всех экранах дрались, взрывались, кричали, стонали, умирали. Много лет равнодушный к такому зрелищу Жебрак начал переключать уровни. На другом поле гладики дрались деревянными палками, ещё одно – здесь в ход шли железные шары. Люди убивали себя во славу своего господина и умирали, произнося его имя. А их хозяева делали ставки и подсчитывали барыш. Обычное дело, практикуемое с самого начала человеческой эры.

Матвей задумался, что же ему делать с рабами. Отпускать их не стоит, пусть живут. Ага, он отправит этих счастличиков на полуостров Сахалин. Там у его босса Лабатто своё име-

ние, лишние работники не помешают. Хотя. Стоп! Надо допросить этого, с Венеры, что там с кораблём корпорации «Мамтел».

Пока Жебрак размышлял, невидяще глядя на экраны, рабогон Борбан зашёл в свой кабинет, закрылся там и передал сообщение шефу региональной ячейки тайного ордена Бондурант о жандарме, которого возил по Большой Арене.

– У меня впечатление, что я его встречал лет двести-триста назад, – информировал Борбан шефа. – Вот запись его внешности, проведите идентификацию.

Сообщение рабогона из Австралии вызвало лёгкое смятение в штабе Бондурант, куда его передал региональный куратор.

– Это же не Вечный, – сказал один из штабных вождей. – Они все у нас на учёте тысячи лет. Неужели какой-то неизвестный нам?

– Давайте срочно его проверим, – засуетился его коллега. – Делаем полную проверку?

– С Вечными шутить нельзя, конечно полную, самую полную!

Буквально через полчаса в штабе Бондурант уже знали почти всё о Жебраке. Что ему сорок два года, вышел в город из лесов двадцать шесть лет назад – сбежал из племени дикарей каких-то. Настойчивый, упрямый, хорошо усваивает уроки, был в городской банде, стал главарём. Через шесть лет возглавил преступников в этом городе. После чего был замечен властями и приглашён на работу в жандармерию. Там и дослужился до заместителя главного жандарма Земли. Обычная судьба, ничего особенного.

– Ну, это ерунда, – сказал штабной вождь. – Выходы по хэдсерву были от него?

– Не отмечено, – сказал его коллега. – Но мы же фиксируем от силы процентов семь-восемь таких соединений.

– Самое главное, семья, дети есть у него?

– Есть и жена и дети. Генетические коды соответствуют, то есть дети его.

Штабные вожди задумались. Но с Вечными никогда нельзя быть уверенными ни в чём.

– Надо самим проверить, в досье всё, что угодно можно написать. Есть около него наши?

– Да, Сморода, его ассистент.

– Пусть лично возьмёт у него образцы крови и волос, и у детей тоже.

Между тем Жебрак собрался домой. Всё ему наскучило и он привстал и завертел головой, отыскивая Борбана. Того не было видно, Матвей поманил одного из разносчиков напитков, и велел отвезти его к воротам Большой Арены.

Зеркало часовщика – третье зеркало

Мелкие красные песчинки бесшумно сыпались в нижний конус песочных часов. Приоткрыв рот, Матвей пристально смотрел на них. Осторожно выдохнув, он взял часы за тонкую талию и быстро перевернул их. Ни на миг не задержавшись, песчинки красной струёй сыпались обратно.

– Что и требовалось доказать, – пробормотал Матвей. – Я только что запустил время в обратную сторону.

По стальным ставням мастерской простучал град. Кто-то ударил очередью, судя по сильному грохоту, из пулемёта. Заварушка в городе продолжалась. Матвей уже не интересовался, кто штурмует Кромы, банды одна за другой накатывались с разных сторон. Он тридцать пятый год отгадывал тайну времени, и, кажется, сейчас был крайне близок к разгадке.

Быстро-быстро, как кузнечный пресс, заухали взрывы. Лупили из автоматического гранатомёта. Пол мастерской мелко задрожал, от окна потянуло сквозняком. Разболтались винты, крепящие стальные щиты, – надо будет подкрутить.

– Оружие древнее где-то добыли, – подумал Матвей. – Осторожно воюют, боятся кварталы рабов разнести, иначе кто пахать на них станет.

Песок в часах весь просыпался в нижний конус.

– И время остановилось, – Матвей забыл про бои за окнами. Поднял голову; на стенах мастерской висели десятки часов, они же были навалены на полках, валялись на полу. Некоторые шли, размеренно тикая, другие были распотрошены. Разными цветами мигали циферблаты магнитных, радиальных, столовых, телебунных часов. Взгляд Матвея остановился на чёрном, отблескивающем конусе. Эти часы он сделал сам. На конусе не было ничего, гладкая, сияющая поверхность. Но стоило лишь посмотреть на него, как тут же в голове звучал нежный женский голос. Вот и сейчас конус сообщил текущее время. Матвей взял его в руки, покрутил и поставил обратно. Здесь он применил технологию Амаранта, разработанную ещё во время покорения Марса, и смутно ощущал, что такая связь между мозговыми излучениями и обратным посылом механизма должна была дать ответ на вопрос, как остановить время и повернуть его вспять.

– Любые часы могут идти назад, – размышлял Матвей. – И если они отмеряют время, значит, они могут крутить его в обе стороны. Туда и сюда, туда и сюда. Время придумали люди, вселенная в нём не нуждается, она стабильна и вечна. Вечность пребывает в безвременье. Животные, вода и деревья часть вселенной, они не думают о времени, оно волнует только людей. Почему?

За окнами кто-то дико закричал, и почти сразу зашумело, зашелестело, как вода в трубе под мощным напором. Щели в ставнях покраснели. Кто-то шпарит из огнемёта вдоль по улице, выжигая всех, это уже опасно.

Подойдя к стене, Матвей откинул деревянную панельку и дёрнул спрятанный за ней рычажок. С потолка медленно начала опускаться стальная завеса, дополнительная защита

мастерской, вдруг проломают ставни эти идиоты. Но с ними надо разобраться. Уже начинает надоедать стрельба по окнам. А огнемёты давно уже не используют в разборках, бандитское соглашение даже есть по этому поводу. Молодые, наверное, какие-нибудь орудуют.

Поднявшись на второй этаж, Матвей глянул на сторожевой монитор. Несколько камер давали картинку с улицы. Вот и огнемётная машина, на гусеницах, тяжёлая, спереди наглухо закрыта броневым щитом, из него три сопла торчат. Возле них трепещет нагретый воздух.

Матвей включил камеру в начале улицы, вот и огнемётный агрегат с тыла. Почти открытый, четверо балбесов что-то крутят, вот и цистерна с горючим тут же. Бандитов тут много, штук пятьдесят крутится. Сейчас ещё раз прожгут улицу и начнут зачистку. Ну их к чертям, надоели.

Спустившись в подвал, Матвей приложил руку к теплой бочине тускло-серого железного сундука. Через пару секунд его овальная крышка приподнялась. Замерцал и сразу же настроился монитор на её внутренней стороне. Засветилась сбоку нежно-салатовым светом небольшая приёмная воронка. Успокоив сердцебиение до редких двадцати ударов в минуту, Матвей послал мысленный приказ на орбиту, висевшим там его ударным спутникам. Воронка начала переливаться алым цветом, контроль есть.

На мониторе карта: пролистав её, дошёл до Кромов. Увеличение, так, есть. Вот и улочка, где он сейчас находится. Сверху виднелись огнемётные машины, суетливые пехотинцы, жмущиеся к домам. За углом их ждали лёгкие танки. Как только спадёт накал воздуха от удара огнемётов, они выскочат и ударят. Нет, не будет ни у кого шанса повоевать дальше.

Матвей, скрестив руки на груди, взглядом наметил линии ударов, проверился, и дал сигнал.

На воюющие банды с чистого неба обрушился бесшумный огненный дождь. Огнемётные машины, танки, пехота: всё было располосовано на мелкие обугленные кусочки. И тут же пролился короткий ливень. Вода, остудив раскалённый металл и раскалившиеся камни мостовой, тут же испарилась лёгкими облачками, и в Кромах всё затихло.

Осмотрев соседние улицы, Матвей не увидел никаких комбатантов, и расслабился. Он снова приложил руку к сундуку, и у того плавно опустилась крышка. Ударные спутники полетели дальше, заряжая свои орудия солнечным ветром, над Кромами повисло бледное облачко, Матвей поднялся в свою мастерскую.

Взяв в руки старинные часы-будильник, он вдруг содрогнулся. Это выскочили остатки энергии, неизрасходованные при управлении спутниками. Часы в его руке дёрнулись, и вдруг зазвонили: молоточек наверху корпуса начал неистово колотить по двум стальным чашечкам. Еле удержав будильник, Матвей от удивления приоткрыл рот – стрелки начали крутиться, хотя завода в часах не было. И вертелись они в обратную сторону.

«Что такое?» – мелькнула мысль. – «Время пошло обратно? Импульс дал толчок? Как так получилось?»

Но додумать Матвей не успел. Проломив бетонную стену и две стальных завесы, в мастерскую ввалился тяжёлый воин корпуса Демута. Пластичная броня с лазерным раскалом на плечах и коленях, ярко-жёлтый с тремя антеннами шлем, в руках ионная винтовка.

Воин замер на миг (он осматривался, Матвей знал это, сам когда-то воевал в такой амуниции), потом забрало шлема поднялось.

– Привет, колдун! – сказал воин равнодушно.

В левой руке у него появилась граната старого образца, щелчок, и она полетела к Матвею. Забрало опустилось, воин ждал взрыва. Матвей не успел мобилизоваться, только инстинктивно вцепился в будильник. И ещё один импульс выскочил из него, заставив изогнуться в конвульсии. Часы загрохотали, переходя на визг – с такой скоростью начал лупить по чашечкам молоточек. Стрелки в диком вращении слились в один круг.

И тут Матвей увидел, как медленно, не спеша, раскрывается изнутри корпус старинной гранаты. Вот из неё полетели тихим облачком изогнутые куски железа, резанные винты и прочее. Корпус разваливался на части по квадратной своей нарезке. Всё это медленно разлеталось по мастерской.

Будильник вдруг звякнул и затих, стрелки сорвались с оси и мелко дрожа, постучались изнутри в стекло циферблата. Матвей выставил вперёд руку, машинально прикрывая лицо от приближающихся к нему осколков гранаты. Но те внезапно остановились и полетели обратно, забираясь в корпус, который тоже начал восстанавливаться.

У воина взлетело забрало, он диким взглядом уставился на сошедшую с ума гранату.

«Время пошло назад!» – подумал Матвей. – «Но что-то здесь не так».

Скользнуло вниз забрало и мягким светом засиял ствол ионной винтовки. Граната окуталась ржавым сиянием и пропала. Белая вспышка ослепила Матвея, а уже через миг он лежал под грудой развалин и пытался встать. Ему повезло, только нога была придавлена деревянной балкой. Вытащив её, Матвей поднялся.

Ночь, на чистом небе сияет незнакомый узор звёзд, а во все стороны простирается подсвеченная синеватым блеском пустыня. Матвей не успел удивиться, как вдруг всё вернулось. Мастерская, тяжёлый воин и сразу же ослепительная вспышка взрыва гранаты.

– С колдуном покончено, – передал воин и легко развернувшись, вышел на улицу из разгромленной мастерской, где продолжали тикать уцелевшие часы.

Жизнь выпускника – 3

Рабы впервые в жизни ехали в поезде первым классом. Диспетчер, увидев их, только ухмыльнулся, но всё в порядке, за провоз оплачена двойная цена. Хочется владельцу рабов при себе везти, его дело. Видать, сорвал куш на Большой Арене.

Второй раб, спасённый случайно, так и молчал. Он иногда поднимал на Матвея чёрные глаза, в которых ничего нельзя было прочесть, и быстро опускал взгляд. От него исходил страх. А тот, что с Венеры, оказался очень разговорчив. Работая кондуктором, он хотел даже получить свободу, а сейчас не знал, что с ним будет. Директор Большой Арены, которому они формально принадлежали, узнав о желании жандарма забрать рабов, только махнул рукой, пусть забирает, и велел оформить дарственную. Но не Жебраку, а Центральному бюро жандармерии.

– Рассказывай про корабль, – велел Матвей, когда поезд нырнул в туннель до Мещеры. – Что там было. И как тебя зовут?

– Марк, – ответил тот. – А про корабль мне рассказал младший помощник механика. Он смог сбежать.

Огромный грузовик корпорации «Мамтел» вёз с Земли на Венеру продукты, точнее, замороженные трупы рабов и бродяг. Их пускали на корм местным поселенцам низшего класса. Такой груз обычно интересовал свободников, но их скутеров не заметили сторожевые посты. И поскольку грузовик просто исчез, решили, что случилась авария. Как говорили во время юности Матвея, «корабль погиб от неизбежных на море случайностей». Примерно так Жебрак и отчитался о расследовании.

Оказывается, младший механик грузовика смог угнать спасательную шлюпку и добрался на ней до Венеры. Управлять ею он не умел и потому посадка оказалась жёсткой, вдали от космопорта.

– Я в тот день не работал, – почтительно докладывал Марк, как и положено, не глядя в глаза хозяина. – Поехал отдохнуть,

Он решил побродить по горам, может, повезёт и наткнётся на вайгран. Один килограмм и можно купить свободу. Перед самым закатом со стороны багрового солнца выскочила шлюпка. Марк заметил её, когда она начала крутиться над землёй, то снижаясь, то подпрыгивая. Пилот никак не мог разобраться с управлением. Потом внезапно выстрелил посадочный парашют и шлюпка, завертевшись, упала вниз. Удар оказался сильным и пилот серьёзно пострадал. Он смог только открыть люк и выпал на жёсткую синеватую венерианскую траву. Кровь текла с головы, с рук. Тут же, почуяв добычу, закружились местные комары, похожие на земных мух. Пара сотен этих тварей могла запросто выпустить всю кровь из человека за несколько часов. Самый смелый комар впился в ухо пилота и начал мощными жвалами рвать кожу, добираясь до кровеносных сосудов.

Спохватившись, Марк вытащил репеллент и обильно полил раненого. Комары отлетели в сторону и недовольно стонали. Те, кто не успел, валялись на траве кверху лапками.

Поразмыслив, Марк затащил пилота обратно в шлюпку, нашёл воду, промыл раны, обработал их антисептиками. Раненый пришёл в себя примерно через час.

– И он рассказал, что их корабль, гружённый заморозками, сумел захватить какой-то дерзкий мужик, которого зовут Хейден, – сказал Марк. – Куда они направятся, он не знает, так как убежал в спасательный трюм и свалил на шлюпке прочь.

– Что он говорил про этого Хейдена? – уточнил Матвей.

– Ну, его вытащил из замороженных капитан. Учились они вместе, что ли. Татуировки одинаковые у них оказались, – пожал Марк плечами. – Он вообще больше ничего не сказал. Умер.

– А шлюпка где?

– Я оставил её там, где она была, а парня похоронил, сжёг, иначе его сожрали бы местные твари.

Матвей задумался. Вариант с тем, что корабль может захватить кто-то из замороженных, то есть фактических трупов, никто не рассматривал. Интересная версия, надо будет проверить. Если у этого бандита Хейдена есть семья, можно наложить на них штраф и заставить платить за стоимость корабля и груза, и пенсии экипажу. А если семья интересная в оперативном отношении, можно завербовать и получать информацию какую-нибудь. Хорошая тема.

Как обычно, Лабатто в Бюро не оказалось. Происшествий со свободными людьми нет, по крайней мере жандармерии про это не известно, что равнозначно. Рабы сидели на земле у входа, ожидая решения своей судьбы, а Матвей начал искать сведения о Хейдене. Не то, чтобы ему было это очень интересно, но если показать корпорации «Мамтел» своё усердие, то можно получить за это неплохую сумму – в благодарность.

На стене большого кабинета, больше похожего на спортивный зал, висела карта Земли. Центральная Европа, Австралия, бывшая Италия с Испанией, средиземноморское побережье Африки, Индокитай, густая цепь островов от него вниз до Австралии, Антарктида, западное побережье Южной Америки, Куба, Гаити, восточное побережье Северной Америки, вот и вся территория, где имела власть жандармерия. Владения Понтификата, Демута, «Мамтела» и других организаций отмечены не были. Шеф Лабатто считал, что их это не касается.

– У них своя власть, – говорил он. – У нас своя. Как скажет Совет Союза, так и сделаем.

Кроме Земли, в юрисдикцию жандармерии входили несколько территорий на Венере, полузаброшенный космопорт на Марсе и несколько постов на спутниках Сатурна. Ещё были какие-то космические станции, там хозяйничали люди из Совета Союза, и до них никому не было дела.

Конечно, по своим боевым качествам жандармерия и близко не стояла рядом с гвардией Понтификата, а уж про бойцов Великого Усмирителя и говорить не приходилось. Единственной её задачей было, как говаривал порой в узком кругу Лабатто, создание впечатления у свободных людей, что они находятся под надёжной охраной.

Матвей бросил взгляд на карту. Он уже тысячелетий пятнадцать-шестнадцать не бывал в Африке, где происходило чёрт знает что. Только иногда орды дикарей на примитивных геликоптерах с мощным лучевым оружием с алмазной начинкой бросались через пролив бывший когда-то Красным морем и Суэцким каналом на племена религиозных фанатиков Передней Азии. Те связывались с Понтификатом и жандармами, и союзники громили ватаги летучих бандитов, жестоко расправляясь с ними, так жестоко, что уроков хватало на добрую сотню лет. Потом всё повторялось снова.

Что творилось в остальной Азии, Сибири, сердцевинах обеих Америк, никто не знал. Эти территории заросли лесами, где бродили суровые и тупые люди – потомки разных народов. Имение Матвея было на Алтае, занимало примерно тридцать тысяч квадратных километров и уже тридцать семь тысячелетий было окружено непроходимыми барьерами, с воздуха прикрывалось сотнями защитных комплексов, и десятками спутников с орбиты. Никто туда и не лез, кроме дикарей; у всех хватало забот. Причём, не на Земле, а на космических станциях. Что там делалось, Жебраку было не интересно. Космос ему не нравился, в первую очередь из-за невесомости и невозможности нормально сходить в туалет.

Сейчас он глянул на карту и решил навестить семью. Не видел жену и детей уже пару недель. Они жили там, где когда-то был Тулон. Одно из немногих безопасных мест на Земле.

– Разберусь с Хейденом, получу денюжку и к ним, – бормотал Матвей под нос, копаясь в базах данных.

Так, ага, вот, информация о некоем бродяге, завербован, заморожен, отправлен в космос. Городок на африканском побережье Средиземного моря. Однако узнать подробности ему Матвей не успел. Отдёрнулась входная занавеска, в кабинет ввалился толстяк пан Сморода, ассистент Жебрака.

– Привет, шеф! – заорал он и полез обниматься. От него пахло варёным луком и винной кислотой. Схватив Матвея за руку, он царапнул его чем-то, выругался и отскочив, выпучил глаза.

– Ого, кровища пошла! – Сморода взмахнул руками, вытащил откуда-то из штанов огромный платок и начал промокать им ранку.

– Да уйди ты! – поморщился Матвей и схватив его за шиворот, вытолкал ассистента из кабинета. Тот извинялся и обещал исправиться. Платок он запихал обратно в штаны.

Первым делом связаться с Лабатто.

– Привет, я погуляю дней сорок, – сказал Жебрак шефу, глядя в мутный экран коммуникатора.

– Гуляй, – донеслось оттуда. – Можешь вообще до конца года отдыхать. Я из Австралии тамошнего начальника беру к нам в бюро. Пусть работает, показывает себя с лучшей стороны.

Лабатто был ставленник кого-то из Совета Союза, и плевать хотел на всех. Жебрак был за ним, как за стеной.

– Сморода! – крикнул он. – Пан Сморода! Где ты, придурок?!

Тот появился через несколько секунд, поцокал языком, глянув на поцарапанную руку и вопросительно подал вперёд голову.

– Я уезжаю по делам, меня не будет до весны примерно, – сказал Матвей. – На связь со мной, гм-м, на связь лучше не выходи, решай вопросы сам. Лабатто в курсе. Тут появится парень из Австралии, помогай ему. Самое главное, не забывай каждую декаду отчёты в Совет направлять, что у нас всё хорошо и мы успешно защищаем права, здоровье и прочее у свободных людей. Сводку им не отдавай, но в ней ничего не скрывай. Её я и шеф смотрим постоянно. Ясно?

– Всё понял, – Сморода приложил руку к сердцу и вытянулся.

– Там два раба у входа в бюро, я забираю их с собой, – Матвей встал и оглядев свой кабинет, ушёл.

Жизнь выпускника – 4

Проверка крови Кикахи и его детей показала полное соответствие. Он был им отцом, вне всякого сомнения. Пан Сморода сидел в тайном убежище ордена Бондурант, искусственных пещерах, пробитых тысячи лет назад в горах Кавказа.

– Полагаю, проверка окончена, – сказал он и покосился на коллег. Те пожали плечами, вроде всё установлено, а то, что показалось Борбану, так бывает. Мозг человека так и оставался тайной, и какие он рождал ассоциации и воспоминания, было совсем неясно. Тем более члены Бондурант жили вечно, только всякий раз меняли при этом тела.

– Но, всякое может быть! – пан Сморода постучал пальцами по каменному столу. – Предлагаю вынести на решение капитула предложение запретить пользоваться клонированными телами. Борбан уже триста лет один и тот же. Вдруг его опознают Вечные? Нам против них не выстоять в схватке. И так, загадочные случаи гибели наших братьев происходят иногда. Как думаете, коллеги?

Звякнул коммуникатор. Сморода отжал кнопку, на связи был Йонас, один из руководителей Бондурант.

– Надо переговорить, приезжай, как сможешь, – сказал он: – Привет, друзья, – Йонас махнул рукой коллегам. – Я вас прошу, пока приостановить все проверки этого Кикахи, есть некоторые идеи. Не стоит его тревожить.

Матвей Жебрак допрашивал раба Марка с помощью одного из тех давно забытых приборов, что беспрестанно изобретали люди. Пентелум, шлем с застёжкой на подбородке. Надеть на голову трясущегося от страха раба, прыснуть ему в лицо снотворное, выждать несколько секунд и спокойно копаться в чужих мозгах.

Детство, работа, первые радости с девчонками, работа в Бюро. Ага, это можно записать, интересные картинки видел Марк. Вот и встреча с тем самым беглецом на Венере. Так, так, любопытно. Хейден, значит. А ведь он в розыске был за убийство кого-то из Понтификата. Ага, и сам Демут его искал. Очень непростой этот бывший гвардеец. За что его турнули из элитных войск? Видно, было за что. Служил себе, карьеру делал, и вдруг убийство, потом он пропал на много лет. Вот и прошлый год, тогда Хейдена снова в розыск подали, причём экстренно. Кто-то спалил монастырь святого Торреса тогда.

Раб лежал недвижим, только улыбался, пентелум слал ему слабые импульсы, раздражая мозжечок, повышая количество эндорфинов. Пусть балдеет. А семьи у Хейдена нет, но сам по себе очень интересен. Что же ты, парень, делал-то в монастыре столько лет? Судя по тому, что есть в отчётах, переданных в жандармерию Службой Демута, форму он не потерял. Зачем ему быть таким готовым в глухом монастыре? Уж не занимался ли он боевой учёбой? А кого – монахов? Судя по тому, что их всех порезали, нет. Ладно, пусть будет версия, что Хейден кого-то готовил, передавал свои навыки, умения по быстрому умерщвлению.

Так, с рабами что делать? А думать нечего.

Жебрак отключил пентелум, убрал его в сумку. Подошёл к столу, набрал на коммуникаторе старого приятеля – вождя одного из племён, обитавшего на Енисее. Договорился, что отправит к нему сегодня двоих женихов. Пусть поживут у него лет пять, а там как сами решат. Вдобавок Жебрак обещал привезти тонн десять продуктов, патроны, ножи, всякие необходимые лесным людям предметы.

Утром, сбросив бывших рабов на парашютах, и посмотрев, как те благополучно приземлились на песчаной косе, Матвей сделал ещё один заход на гравилёте, скинув обещанные грузы. А сейчас надо вернуться в Австралию, переговорить с Борбаном. Может, неспроста ему показалось, что они виделись. Что-то тут есть. Дав курс аппарату, Матвей прошёл в салон, на полу валялись рабские ошейники. Да, эти двое получили свободу, но заплатят за неё немало. Лесные люди умеют взять с пришельцев всё, что хотят, да ещё с процентами.

Верхушка Бондурант обсуждала проект «Секира». Новость от Борбана о том, что Хейден жив, вновь меняла расклады. Йонас, организатор тысячелетней игры с Вечными, был напуган. Проект шёл аккуратно, каждый шаг просчитан, всё, что могло помешать его исполнению, немедленно устранялось, причём любыми способами, несмотря на размеры потерь – с ними никто не считался, ставки были чрезмерно высоки. И вдруг один из участников игры, применявшийся втёмную, оказался жив! А ведь позиции и роли были уже расписаны так, что Хейдену здесь места не было.

– Как поступить? – спросил Йонас у Фёдора, помощника экзарха Мельха. Он непосредственно контролировал исполнение «Секиры». – Помешает он нам? Или не брать его в дальнейший расчёт, забыть и не суетиться?

– Мы не сможем влиять на Хейдена, – Фёдор взял бокал и отпил глоток золотистого вина. – Ваши виноградники? Вкус чисто японский, тонкий, ароматный.

Йонас поморщился. Он про свои виноградники, лелеемые несколько тысяч лет, мог говорить часами, но сейчас страх краха «Секиры» вытеснил всё из головы.

– Я предлагаю послать по следу Хейдена этого парня из жандармерии, – Фёдор посмотрел вино на свет. – Недавно проверяли его, Борбану там что-то показалось. А он как раз занимался розыском того самого грузовика «Мамтела», что угнал Хейден. Пусть роет.

– А если он не захочет?

– Да ты что? Это же сыщик, а они не могут спать, пока не докопаются до истины, или того, что вместо неё. Кикаха любит такие дела, это Сморода сообщил.

– И что это нам даст?

– А то, что Хейден в розыске, его ищет второй человек в жандармерии, значит, все будут настороже и если наш беглец где проявится, мы узнаем. А не проявится, и не надо, – Фёдор поставил бокал на стол и улыбнулся: – От свободников ещё никто не возвращался, а Хейден обычный тупой солдат. Повезло ему с заморозкой, и думаю, удача его кончилась.

– Как дать поручение Кикахе? – спросил Йонас, расслабляясь. Он тоже плеснул себе вина. – Через Лабатто? Или не стоит?

– Через «Мамтел», – сказал Фёдор. – Организуем звонок от них Кикахе, узнать, как дела с грузовиком, новости какие есть. Намекнуть, что деньги неплохие может получить. Сморода говорил, он жадный очень.

– Как все жандармы, – буркнул Йонас. – Отлично, так пока и сделаем.

Разговор с Борбаном не получился. Матвей сделал вид, что интересуется гибелью счетоводов и задавал рабону вопросы, упоминая мимоходом имена друзей из школы диких сердец.

– Сергеев, Лёха-Франкенштейн, Рустик Мирзоев, Стас Бидмайер, – перечислял Жебрак, но Борбан никак не реагировал. Видно было, что имена ему не знакомы.

– Непонятно, отчего жандармерия придаёт столько важности смерти счетоводов? – пожал плечами рабон. – Были бы это свободные люди, а так, прах земной, почти животные, только читать да считать умели.

– Ну, дело в том, что убийца может нападать не только на рабов, но и на свободных, – пояснил Матвей. – Хотя таких инцидентов ещё не было, на всякий случай надо быть готовым. Впрочем, не стану больше вам надоедать.

Они распрощались. Жебрак решил, что у него сработала ложная память при виде Борбана. Когда-то, много лет назад, он изучал мозг человека – был огромный проект, финансируемый неизвестно кем, но весьма щедро. Эксперименты ставили как обычно, на рабах, их тысячами изводили при опытах. Тогда «Мамтел» нажился неплохо, скупая по дешёвке безголовых покойников. В то время Жебрак занимался как раз ложной памятью. Но кроме десятков версий, что это и почему так происходит, достоверно выяснить ничего не удалось. Да и сам проект был свёрнут очень быстро, а причастных к нему учёных истребили. Правда, Матвей сумел сохранить результаты многих исследований, и некоторые приборы, в том числе и пентелум, кстати. Однако, избежать смерти ему тогда не удалось. А когда он восстановился, то никаких изысканий с мозгом никто уже не делал и вообще тема стала не то что запретной, а неприличной для обсуждения. В то время как раз началось восхождение новой религии – Понтификата с его странными, но могущественными богами.

В этот раз Матвей не стал навещать местную жандармерию. Пообщавшись с Борбаном, он решил перекусить. Австралия когда-то славилась блюдами из кенгуру, верблюжатины, крокодилов, северных оленей, сейчас здесь была мода на жареную тюленину. Всё это Жебрак считал отвратительным. Поэтому он взял в забегаловке на краю посёлка пару варёных куриных яиц в солёной сметане и бутылку воды.

«Вернусь домой, шашлык сделаю, – решил Матвей. – Баранов полно у меня, надо отдохнуть, устал, бутылочку вискарика изопью ещё».

Он не обратил внимания на парней, сидевших на бетонных валунах у забегаловки и пьющих какой-то вонючий напиток. А один из них склонился и начал что-то говорить остальным, поглядывая Матвею в спину. Трое из них оглянулись, и отставили бутылки с пьянящей отравой в сторону. Жебрак решил перекусить в кабине гравилёта и медленно шагал к ней, раздумывая, чем заняться. Недельку в своём поместье, а потом к семье. Всё-таки детей не видел уже почти месяц, соскучился. Тем более что два сына и дочка были его, родные. Второй раз за

десять тысяч лет получилось воспроизвести. Больше такого шанса не будет – сперма, которая хранилась сотню веков, просто кончилась.

Когда-то, когда ещё существовала и начинала расцветать школа диких сердец, они с парнями порой подрабатывали в банке спермы. Лет через восемьдесят после катастрофы и первого восстановления, Матвею удалось найти замороженные выделения своих тестикул и поместить их в статичный вакуум.

Между тем трое парней не спеша окружали его.

– Эй, скотина! – негромко крикнул один из них. – Подожди.

Жебрак сразу пожалел, что не взял летающую бляху в местной жандармерии, хотя, давно было пора завести такую себе – личную. Расслабился за последние четыреста лет. Никто не убивал потому что его, очень давно не убивал. Ну, сейчас испортят ему всю статистику мирной жизни. Наверно.

– Чё хотел, ублюдок? – взгляд Матвея потяжелел, челюсть пошла вперёд. Тысячи лет прошли, а манера общения с гопотой остаётся прежней. Потому что не развиваются они, не работают над собой. Как были кретинами тысячи лет назад, такими и сейчас бродят. Недоумки. Только звериное обращение и понимают, точнее, чувят. Ну, посмотрим, кто сильнее и ужасней. Обиднее всего вдруг стало за перекус, ведь яйца в сметане сейчас на землю упадут, испачкаются.

Один из дебилов выхватил шариковый пистолет. Пневматика, но опасная. Стальные шарики летят метров на двадцать, но сила удара у них будь здоров. Значит, точно решили убивать. Ага, ещё у одного игломёт, это совсем плохо.

«Да чего в самом деле! – вдруг рассердился Матвей. – Разговоры с ними водить, прикончить, да и всё!»

– Скотина, это ты убил нашего брата? – спросил один из парней, сплёвывая жёлтой слюной.

Матвей уже почти неосознанно просчитывал возможные траектории стрельбы по нему и только улыбнулся в ответ.

Пшикнул игломёт, но за миг до этого Матвей бросил в сторону нападавших тарелку с едой. Солёная сметана выгнулась в полёте маленьким парусом, яйца шлёпнулись в грязь и тут же десятки жёлтых коротких молний ужалили парней, окутав их на секунду мягким сиянием.

Всё окончилось моментально. Три обугленных трупа лежали возле забегаловки. Их собутельники, только что сидевшие с довольными рожами, предвкушая славную разборку, упали наземь и закрыли головы руками. Знак полного подчинения.

Матвей подошёл к ним, всмотрелся и пнул одного по рёбрам.

– Рожа знакома, – он чуть прищурился. – Ты же диспетчер, поезда принимаешь.

Он опознал его по форменным аксельбантам, транспортники носили их постоянно, хватаясь хорошей работой.

– Расскажи мне о покойниках, – велел Матвей.

– Это наши друзья, – забормотал диспетчер. – Они встречали девушек и парня, которые с вами ехали, и парень-то умер, а девок арестовали. Вот я и сказал покойникам, что вы с ними были тогда. Я не знал, что у них оружие есть. Извините, я больше не буду.

– Сам сдохнешь, – Матвей пнул его ещё раз. – Лежать здесь всем, пока не разрешу вставать.

Он вызвал местных жандармов, дождался их, взял себе снова яйца в сметане и взлетел. Перекусить Матвей решил в воздухе, чтоб никто не мешал.

Когда он уже подлетал к своему поместью на Алтае, пришло сообщение от австралийских жандармов. По своим генетическим данным нападавшие на него были почти идентичны тому балбесу, что с марсанками напал на него в поезде. Вспомнив, что уже заказывал проверку по тому парню, Матвей зашёл в свой банк данных. Там его ожидала справка из Центрального Бюро. Матвей даже как-то не очень удивился, когда узнал, что подобный генетический код был зафиксирован у бандитов, в прошлом году разоривших монастырь святого Торреса.

«Сделаю шашлык, попарюсь в баньке, съезжу к детям и махну в этот монастырь», – решил он. – «Что-то очень интересное происходит».

Матвей стоял среди руин монастыря святого Торреса. Всего год назад здесь бродили монахи, ездили повозки с тыквами, таскались курицы в поисках зёрнышек или червячков, а сейчас всё заброшено. Расплавленные ворота, из ржавой чугунной лужи торчат обломки костей – останки невезучего беглеца. В зданиях пусто, всё имущество вывезли почти сразу в другую обитель. Прислушиваясь к гомону птиц, выводивших птенцов под крышей монастырских келий, Матвей начал расхаживать по двору, размышляя, что здесь можно найти.

Вчера, едва он только прилетел в своё алтайское поместье, по личной линии на него вышли люди «Мамтел». Начальник перевозок спросил, есть ли новости о пропавшем грузовике, поиском которого занимался Матвей.

– А то имею сведения, что появились новые факты, – сказал он. – Известно даже, кто его угнал.

– Да, есть такое, – подтвердил Матвей, не удивляясь осведомлённости «Мамтел». Одна из богатейших корпорация Солнечной системы имела привилегию знать многое, благодаря взяткам нужным людям.

– А вы будете проверять эту информацию? – уточнил начальник перевозок. – Неплохо было бы вернуть грузовик, да и Хейдена этого публично подвергнуть пыткам, а потом жестоко казнить. Конечно, вас без награды не оставим. Пять миллионов кредитов, и шестьдесят тысяч на расходы.

Представитель «Мамтел» замолчал, ожидая ответ. Конечно, корпорация была богатой, но относиться пренебрежительно к жандармерии не могла. Подводные тюрьмы были готовы принять даже самых крутых, и если бы Жебрак отказал, то «Мамтел» на этом бы и закончил тему розыска пропавшего транспортника.

Матвей для вида помолчал минутку, вроде как размышляя. На самом деле деньги были неплохие, для семьи всегда пригодятся. Ему самому в поместье капиталы были ни к чему. Здесь находилось всё необходимое и даже два прайда львов, стадо бизонов, прочее зверьё, космодром и огромная, почти на пять миллионов томов библиотека, единственная такая в мире.

– Я согласен вам помочь, – ответил он.

И тут же пришёл сигнал из Центрального Бюро, что для него пришла почта – несколько тяжёлых пакетов, это деньги «Мамтел». Пусть пока там и полежат. Сейчас можно и поработать, тем более самому интересно.

На пепелище

Никого здесь нет, да и кому что делать тут? Все ценности вывезли, одни развалины. Разве что пастухи здесь ночуют, загонят стадо коз или овец. Ага, вот и кострища возле стен. Ладно, пусть бродят, не мешают.

Изредка Матвей поглядывал на личную бляху. Та висела справа, чуть сзади, за плечом. Никаких сигналов, значит, всё спокойно рядом.

Обходя здания, Матвей в одном увидел следы жестокого боя, стены обожжены лучами, следы высохшей крови, а в задней стене проём, обугленный мощным пламенем. Там оказался спуск, хоть и весь взбугренный, с осыпями, но пройти можно.

Матвей вышел в довольно объёмную подземную пустоту. Бляха давала хорошее освещение и было видно, что пол усыпан слоем хрустящих под ногами мелких обломков. Сразу стало ясно, что здесь бушевал страшный пожар. Что-то сожгли, что-то такое, что не должно попасть в чужие руки.

И вдруг Матвея охватило чувство, что он у себя, в подвале алтайского дома, там, где медицинский центр. Почудилось, что вот-вот раздастся щелчок, сигнал к началу очередной жизни.

«Опять ложная память?» – удивился Матвей. – «Что то часто это стало происходить со мной».

Пожав плечами, он попинал ногой валяющиеся на полу обломки, как вдруг замер и прикрыл глаза, решив, что у него зрительная галлюцинация. Через пару секунд Матвей решительно вздохнул, открыл глаза и наклонился. Он подобрал с пола блёкло-синий шарик, точь-в-точь такой, какими был оборудован его «саркофаг» в медцентре. Такие шарики катались за прозрачной боковиной при открытии крышки. Сейчас он заметил его случайно и даже не поверил сначала, что это они.

Матвей попинал слой обгоревшего мусора, и подобрал ещё несколько шариков.

«Оказывается, они не горят», – подумал он. – «И второе, мои саркофаги не единственные на Земле. Чей же был тут? И кто его уничтожил? И зачем? Может, это Стас тут был? Или Борис Борисыч? Спокойно, спокойно. Пошли наверх, Матвей».

А наверху, во дворе вдруг начала подёргиваться бляха. Она то поднималась немного вверх, то кружилась небольшой восьмёркой. Однако, вокруг стояла тишина. На экране драйвера ничего опасного не отражалось.

Вдруг над развалинами монастыря возник тот самый, знаменитый жёлто-красный университет Демута с прозрачным дном. А через минуту и сам Великий Усмиритель уже подходил к Матвею.

– Хорошего дня, Кикаха! – сказал он и приподнял, приветствуя, правую руку с оттопыренным указательным пальцем.

– Хорошей охоты, Демут! – Матвей тоже помахал указательным пальцем. В своей длинной жизни он несколько раз встречался с Великими Усмирителями. Когда-то Жебрак убивал их, когда-то наоборот. Пару раз он даже служил у Демута, выznавая секреты самой успешной армии в истории человечества. Интересно, что Великий Усмиритель всегда был на одно и то же лицо. Его Служба появилась примерно тридцать тысяч лет назад и Демут был такой же сейчас, как и тогда – невысокий, подтянутый, седой, ярко-синие глаза сверкают ультрамарином на красном, всегда красном от загара лице. Как то Матвею удалось покопаться в информбазе Службы Великого Усмирителя: узнал, что преемники на эту должность подбирались заранее, в глубокой тайне, но чаще всего это были прямые потомки Демутов. Их насчитывалось уже несколько сотен и все на одно лицо. И троих из них Матвей прикончил разными способами, и те в свою очередь дважды отправляли его в медицинские контейнеры на алтайском ранчо. Давно это было, тысячи лет прошли. Сейчас-то что ему надо?

– Меня интересует Хейден, – прямо сказал Демут. – Если ты его найдёшь или хотя бы сообщишь, где он, требуй с меня что хочешь.

– Он в розыске, – Матвей спохватился, что синие шарики до сих пор держит в руке и ссыпал их в наплечную сумку. – До приговора он в распоряжении Совета Союза.

– Да, и «Мамтела», – засмеялся Демут. – Ваши дела мне не интересны, Кикаха. Просто сообщи мне, где он и всё. Десять миллионов, они, кстати, уже в Тулоне, переданы твоей жене.

– Хорошо, – просто, без всяких понтов, сказал Матвей. – Я сообщу. А это ваши парни здесь всё выжгли? А где бандитов ловили? Мне надо место их укрытия осмотреть, вдруг что на какие мысли натолкнёт.

– Вот и отлично, – Великий Усмиритель кивнул. – Любая помощь, всё, что могу, сделаю. А могу я сделать очень много.

И он засмеялся. Потом глянул на своих бойцов. Те рассыпались по мёртвому монастырю, наблюдая и контролируя обстановку. Среди них Матвей с удивлением заметил двух марсан, причём, явно матёрых бойцов. Один даже с нашивками старшего командос. Когда-то давно, Матвей провёл немало времени в туннелях и шахтах Марса, проповедуя новую веру. Он знал, что марсане отчаянные и грозные бойцы. Не зря им запрещён выезд с планеты. И Понтификат давит их беспощадно много лет, не так давно там резню опять устроил.

– Жы-гаН! – крикнул Демут и махнул рукой.

Марсан, тот самый, с нашивками, не спеша подошёл и угрюмо снизу вверх посмотрел на командира. У Матвея возникло ощущение, что он тоже встречал этого парня с Марса, он был ему явно знаком. Но это чушь. На красной планете Жебрак не бывал тысячи лет, а марсане столько не живут. Откуда-то, из древней памяти, вдруг всплыли подземные костры в пещерах Марса, неустанные камлания в честь бога Амаранта. Жы-гаН дёрнулся и немигающе уставился на Матвея. Что-то почуял маленький воин.

– Возьми своих, покажешь здесь всё, и расскажешь, как было, – велел ему Демут и повернувшись к Матвею, сказал: – Удачи, Кикаха. Знай, что деньги останутся у тебя при любом раскладе. А твоему начальнику Лабатто про них ничего не известно, так что делиться не надо.

Красно-жёлтый универбот Демута по плавной дуге поднялся вверх и пошёл над морем. Спереди, по бокам и сзади повисли машины эскорта.

– К брату полетел, – хрипло сказал Жы-гаН и чуть дёрнул головой: – Мы за тобой пойдём, куда тебе надо?

– Покажи, где вы бандитов нашли, – чуть сощурился от напряжения, попросил Матвей. Что-то далёкое вдруг шевельнулось в мозгу, давнее ощущение единства, восхищения. И тут же вспомнил – да это же ментальный контакт с марсанами! Его ментальная волна вновь заработала, которую он же сам у себя выделил и наладил для эмоциональной связи с отборными бойцами Марса, теми, кому он доверил арсеналы!

Видно, Жы-гаН что-то чувствовал, но очень смутно, видать, тренировок давно не было. Ладно, это потом, сейчас делами надо заняться.

Жизнь выпускника – 5

Сидя в гравилёте, Матвей поглядывал на идущий впереди десантный универбот. Вторая боевая машина прикрывала их и шла сзади и немного ниже. Хотя, кого тут бояться? Впрочем, в любой момент могут появиться обитатели внутренней Африки, и кто знает, как они себя поведут. С ними Матвей не сталкивался очень много лет. Почему-то в своих поисках друзей он никогда не забирался вглубь чёрного континента. А надо бы, сделал зарубку в памяти Матвей.

Подземелья оказались довольно просторными. Жы-гаН любезно сунул Матвею карту, видимо, снятую в прошлом году, когда отсюда выкуривали бандитов. До сих пор тут валялись рваная одежда, обломки каких-то труб, кучи щепок. Осматривая туннели и вырубленные в скалах залы, Матвей замедлил шаг. Что-то ему показалось знакомым. Он остановился и провёл ладонью по каменному ребру, разделявшему два коридора. Так и есть, это характерная марсанская проходка штреков. Очень тщательно отделаны границы коридоров, ага, вот и пустые картуши, выбитые на стенах. На Марсе в них указывают, какой род, клан владеет этими местами.

Непроизвольно проведя рукой по картушу, Матвей повернул голову и увидел, что стоящий неподалёку Жы-гаН пристально смотрит на него.

– Велик наш бог! – ментальный вызов мягкой волной прокатился в подземельях. Видимо, старший командос напряг все свои силы, посылая сигнал, потому что десантники, бродившие рядом, вдруг напряглись и закурили головами.

Матвей вздохнул и решил, а почему бы и нет?

– Время свободы идёт, будь осторожен, – ответил он Жы-ганУ, послав ментальный ответ. Сложив левый кулак, он дважды качнул мизинцем. Старший командос Демута, стоявший не дыша, затычным выдохом выпустил воздух из лёгких, склонив при этом голову. Он не сделал ни одного движения, не сказал ни слова, но Матвей знал, что стоит только приказать и этот зелёный марсан вырежет всю свою десантную группу, да и самого Демута пришьёт.

Жебрак, уже основательно раскачавший волну связи, уловил, как внутри Жы-ганА бьётся радость. Ещё бы, ведь он стал первым, кто увидел бога Амаранта через тысячи лет – скоро Марс станет свободным.

Сидя в своём поместье, Матвей раскладывал ситуацию. Оказывается, марсане свили огромную сеть на Земле. Его это не беспокоило, хоть будет чем заняться жандармам. Здесь вдруг зацепило другое. Непонятная смерть въездного инспектора на Венере, о котором рассказал спасённый раб. Матвей запросил в «Мамтеле» всю информацию по этому инциденту и узнал, что у инспектора при досмотре межпланетного грузовика взорвалась голова.

Что-то подобное уже случалось и раньше. Матвей помнил, как примерно три-четыре тысячи лет назад была парочка таких происшествий. Или раньше? Точно! Это было давным-давно, когда Жебрак служил командиром полка сабельеров у короля Арденнского. В рукопашной схватке он влупил тяжёлым мечом по шлему гвардейского копейщика, носившего на плече командирский знак. И внезапно голова противника буквально взорвалась.

После боя Матвея хвалили за мощный удар, потом его даже прозвали Сокрушителем Черепов. Никто ничего не заподозрил, к тому же и шлем был изуродован довольно сильно. Но сам Матвей недоумевал, он точно помнил, что ударил по копейщику на миг позже, чем у того лопнула голова.

Когда-то Борис Борисыч принёс большую коробку, наполненную заколками для галстуков. Он хотел вручить их на выпускном всем парням своего класса и философского кружка. Но случилось то, что случилось, а коробку прибрал Матвей. Он одно время брал с собой эти заколки, как талисман. Те, правда, часто терялись, и Жебрак перестал их трогать. А вот одна из тех заколок была на его мече, тогда, в Кабаньем лесу. Приклёпана наглухо к эфесу. А после боя пропала.

– Судя по всему, башка этого инспектора взорвалась так же, как у того копейщика, – пробормотал Матвей. – Расследовали его смерть парни из «Мамтела». Надо скататься на Венеру, заодно и спасательную шлюпку поискать. Как то всё это завязано в один узел. И Хейден тоже.

Он ещё мялся, ехать на Венеру было неохота. Четыре дня невесомости, да ещё тупицы «Мамтела», общаться с ними было невыносимо скучно. Но загадка уже крепко зацепила его. Где то тут скрывалась тайна, большая и странная. Матвей решил бросить монетку, если орёл, то поедет. И только он её подбросил, как сработала одна из нейросетей. Это Жы-гаН сбросил ему свои воспоминания. Бог Амарант велел марсану отправить их, чтобы знать, соблюдают ли на красной планете правила, когда-то завещанные им.

Не глядя на лежащую монетку, Матвей начал прокручивать события из жизни Жы-ганА, быстро, особо не задерживаясь, ничего интересного там явно не было. И вдруг! Во время подавления мятежа в Байресе старший командос зафиксировал взрыв головы у одного из бойцов.

– Это не случайность, – решил Матвей. – Лечу на Венеру.

Он встал и начал собирать вещи, а на монетку, лежащую орлом вниз, он так и не взглянул. Сам точно не зная зачем, Матвей взял с собой одну из сотен заколок, так и лежавших тысячи лет в картонной коробке, хранившейся в подвале его дома.

Курок парень отчаянный

Началась проклятая невесомость. Жебрак попробовал закурить трубку, чтоб успокоиться, но втягивающий дым вентилятор потащил и его к себе. Неудобно в космосе летать, всё равно! Уже тысячи лет тут болтаются, а комфорта никакого.

Матвей летел на Венеру, поговорить с теми двумя марсанками, что едва его не оскотили его в подземном поезде. Надо было копнуть про шортонов подробнее. Ими обычно мало занимались, потому что поймать никак не могли. Да и забыли уже про дураков этих. И сейчас Лабатто махнул рукой на эту парочку. Сказал Матвею, что коли в дело замешаны марсанки, то пусть с ними Понтификат и возится. Но передавать туда информацию посчитал несвоевременным. Видно, копил какие то козыри перед заседанием Совета Союза. Но Матвею разрешил допросить красавиц. Просил только не убивать.

Жебрак хотел докопаться, кто стоит за шортонами. Ниточка тянулась ясно видимая. Бандиты, напавшие на монастырь святого Торреса, придурки из Страны Большой Войны, хотевшие убить его самого, и шайка шортонов из поезда, всё это было связано меж собой. И каким то образом тут оказались запутаны марсанки-нелегалки. Матвей чуял здесь что то неясное и угрожающее. И как сыщику ему стало интересно в этом разобраться, тем более за ним стояла вся мощь жандармерии Земли и он ничего не боялся. И никого. К тому же была гарантирована поддержка от корпорации «Мамтел» и всемогущественной Службы Демута для решения некоторых вопросов.

Венера дала о себе знать вибрацией планетолёта. Гася спиральное ускорение, начатое в миллионе километров от Земли, летающий холодильник «Мамтела» начал трястись, как припадочный. Это тоже не нравилось Матвею в космосе.

«Больше не полечу, – решил он. – Неужели я, самый старый и потому весьма уважаемый житель Земли, должен подпрыгивать в этой стальной калоше?»

Через сутки с небольшим торможения планетолёт, доставивший на Венеру очередную партию замороженных неудачников, растопырив опоры, пошёл на посадку.

Жебрака встречал местный представитель жандармерии, невысокий крепкий парень. Звали его Курок. Ещё он работал на «Мамтел», Понтификат, департамент геологии Совета Союза и думал, что никто об этом не знает. Но пока Курок устраивал всех, посылая отчёты в четыре адреса.

Недовольный мучительными сутками посадки Матвей хмуро глянул на него и бросил ему свою сумку. Висевшая над плечом бляха, уловив настроение, чуть слышно зажужжала, становясь на боевой режим.

– Э-э, – Курок поймал сумку и облизав пересохшие губы, взглядом указал на летающего охранника: – Шеф, здесь бляхи запрещены. Э-э-э.

– Да неужели!? – злой Жебрак огляделся. – И кто мне тут запретит?

В небольшом терминале продовольственного космопорта народу было немного. Инспектора въездного контроля, кондуктора с рабскими ошейниками, замасленные техники, контролёр «Мамтела», несколько пассажиров, прилетевших вместе с Матвеем; все с тупыми неподвижными лицами. И все, услышав вопрос сердитого жандарма со страшной бляхой над плечом, отвернулись, как будто ничего не произошло.

– Одичал тут! – начал орать на Курка Жебрак. – Забыл, кто тебя кормит! Ещё одна промашка, уедешь в астероиды, пыль с них смахивать! Поехали!

Раздался гул и стук. Около стены космопорта что то зашевелилось. Присмотревшись, Матвей увидел ползущий конвейер – выгрузка продовольствия началась. Белые от заморозки трупы тащились куда то на разделку, в последний раз пользуясь достижением цивилизации – бесплатным транспортом. Уже через десять примерно часов их нашинкуют и раскидают по контейнерам, которые потом развезут по разным плантациям и заводам.

«Венец природы, человек, – подумал Матвей. – Свобода, демократия и братство. А всё кончается тем, что рабы жрут рабов и сами станут кормом. Ничего не меняется в обществе, и никакие теории и революции ничего не изменят».

Он машинально оглянулся на инспекторов, проверявших багаж у пассажиров, как вдруг бляха пискнула и мощный импульс, пущенный ею, моментально обуглил и разорвал напополам замороженный труп на конвейере. И тут же раздался дикий крик. Это орал контролёр «Мамтела». Он стоял, разведя руки, а по его лицу ползли чьи-то кровавые мозги. Рядом валялся человек без головы.

Матвей уже укрылся за растерянным Курком; вытащив ганьтер, он быстро оглядывал терминал. В голове Жебрака страшно зашумело, будто океанская волна обрушилась сверху, будто тысячи голосов взвыли одновременно. Матвей умел владеть собой и весь этот шум вывел на периферию сознания и отгородился от него ментальной заслонкой. А все, бывшие в терминале, стояли оцепенев, только гудел конвейер, утаскивая мороженые тела в разделочный цех.

Потом Жебрак восстановит картину, благо, что в терминале оказались приборы наблюдения.

Из кулака замороженного человека на конвейере вылетел с невероятной быстротой маленький предмет. На чрезвычайно замедленных повторных просмотрах было видно, как он проносится перед лицом контролёра, причём тот даже глазом не моргнул. Он ничего не заметил, мозг даже не среагировал. Скорость необычайная, сверхъестественная. Предмет врезался в голову пассажира, прилетевшего на том же корабле, что и Жебрак.

Орудие убийства так и не нашли. Но Матвей знал, что это. И он подобрал обломки, о которых никому не сказал. На максимальном, чуть ли не атомарном уровне, используя личные инструменты, он рассмотрел запись инцидента. И никому не стал рассказывать.

Это была заколка для галстука, со светло-оранжевым, тигровым камешком. Латунная, с битыми буквами на внутренней стороне – ШДС. Таких заколок у Матвея в алтайском поместье было несколько коробок. Он прибрал их после первого воскрешения, на память, отыскал в школьном подвале. Заколки принёс Борис Борисыч за несколько дней до исчезновения друзей Жебрака и его самого. Он хотел, чтобы парни нацепили их на выпускной, на выпускной из

школы диких сердец. Матвей изредка брал их с собой. За тысячи лет потерялось штук сто, это когда Жебрак помирал вдали от родных мест, и заколка попадала кому-нибудь в руки. Также, как и к этому несчастному, видно, хранил, как талисман. Впрочем, это неважно. А заколка, что взял с собой, не среагировала. Ещё одна тайна.

Марсанки сидели на цепях. Одна цепь шла к ошейнику, вторая опоясывала талию. Девушки-убийцы пользовались популярностью на Венере. Каждому хотелось отыметь марсанку, редкий товар, практически небывалый.

Курок, сопровождая Матвея в любовный загон, рассказал, что за особую, повышенную плату клиент может попытаться спариться с зелёнокожей дамой, когда у неё не связаны руки и ноги.

– И как успехи? – снисходительно спросил Жебрак. Он не то что понтовался. Так надо было себя здесь вести. Грубить, показывать свою крутость. Венера была глухой провинцией, и его, большого начальника тут считали именно таким. Имидж земного генерала. Надо было сделать так, чтобы после его отъезда Курок нахлестался всякой дряни, а его бы жалели, и радовались, что наконец-то начальство уехало. Обычная схема поведения. Причём, если вести себя спокойно, по человечески, вежливо и с пониманием относиться к местным, то сразу можно так упасть в глазах местного быдла, что и не подняться. Уважают только силу. Кстати, ярким представителем этого могущества была личная бляха над правым плечом. Ведь так никто и не потребовал нейтрализовать её.

Коптер завис над жёлтым домом и медленно опустился у входа. Там толклись десятка два хмурых мужиков. Все с ошейниками. Ну, у рабов одна радость – секса попробовать, а тут ещё диковина. Они равнодушными взглядами проводили жандармов.

Внутри Жебрака уже ждали, Курок предупредил.

– К сожалению, придётся немного подождать, – засуетился владелец казённого дома развлечений. – Клиенты у каждой девушки.

Хотя Курок при Матвее предупреждал по связи этого хитрого венерца не задействовать марсанок, чтоб с ними спокойно поговорить. Но местный сутенёр решил не рисковать, вдруг приехавший с Земли начальник прикончит экзотических девиц, и хоть немного денег ещё решил сорвать.

– Можете посмотреть, – венерц с поклоном повёл рукой в сторону большого экрана. – Оба клиента заказали свободную любовь.

Жандармы прилетели вовремя. Как раз один из желающих отдохнуть заходил в комнату к марсанке, той самой, что управляла тогда гидропушкой, страшненькая такая.

Она сидела на кровати, почёсывая живот под цепью. Совсем голая, только на бёдрах намотана жёлтая тряпка. Раб, огромный мужик с мускулистыми руками, презрительно осматривал её. Сделал шаг вперёд, схватил за цепь, что вела к шее и приподнял марсанку с кровати.

Та сразу же вцепилась ему в лицо руками. Мотая головой, раб свободной рукой сгрёб её ручки, постоял, глядя, как марсанка извивается и бросил даму на кровать. Ещё даже не упав,

девица изогнулась в сложном кульбите и ногой ударила клиента в подбородок. Тот пошатнулся и помотал головой. И сразу же марсанка, уже рухнув на кровать, подрубила ему левую ногу и подтащив к себе, прыгнула мужику на плечи. Миг, и вместо глаз у самонадеянного клиента кровавые дыры. Ещё пара секунд, и тот заревел в ярости, и тут же марсанка вырвала у него язык. Отбросила его в сторону, присела на кровать, потёрла у себя шею под ошейником и зевнув, улеглась. Раб свалился на пол и начал биться в судорогах, постепенно затихая. Болевой шок, мощная потеря крови, спасение невозможно.

– Четвёртого прикончила, – восхищённо сказал сутенёр. – Никогда такого не бывало.

Он включил камеры в комнате с другой, симпатичной марсанкой. И там всё окончилось не в пользу клиента. Он лежал скрючившись, зажав руки в паху и мелко тряся. Тоже, очевидно, помирал.

– Я рекламный фильм снял, – сказал венерец. – На Земле покажу, от клиентов отбоя не будет. Там же нет марсанок?

Матвей пренебрежительно пожал плечами, а Курок за его спиной показал сутенёру кулак.

– Покойников убрать, запись отключить, – велел Жебрак. – Пойду говорить с ними. Да, лихие дамочки, чуть и меня не прикончили.

Венерец упрятал голову в плечи и посмотрел на Курка. Тот сделал большие глаза и жестами показал, что надо всё отключать.

– Руки, ноги им связать? – уточнил сутенёр.

– Присматривай за ним, – не отвечая, сказал Матвей Курку. – Если бляха что уловит, порвёт тут всё. Ну ты видел как в терминале было.

Он вытащил из кармана куртки трубку, не спеша набил табаком, закурил и не спеша двинулся к самым популярным девушкам Венеры. Сутенёр, увидев, как земной босс пускает изо рта дым, скорчился в кресле и затих. Какой ужасный сегодня день! Пережить бы его, лишь бы вернуться домой живым! Страшно.

Жизнь выпускника – 6

В подземных лабиринтах Альп, выдолбленных когда-то для хранения сыра и вина, пахло ужасом. Три магистра – Йонас, Сморода и специально прилетевший Фёдор обсуждали гибель ещё одного члена ордена Бондурант.

– Опять на Венере, опять космопорт! – сказал Йонас. – Как и в прошлом году. Наши братья погибают там. Две смерти, а раньше ни одной. Восемь тысяч лет Венера обитаема, миллионы раз мы были там, а что сейчас произошло?

– Давай разбираться спокойно, – ответил Фёдор. – Кстати, ты вино своё здесь хранишь? Я бы выпил пару бутылочек.

Йонас устало поглядел на него. Его давила ответственность за грандиозный проект «Секира», который должен был вернуть его братьям былое могущество и власть. Всё шло очень тонко, в любой момент могло рухнуть. И сейчас страшные удары слышались совсем рядом.

– Я подготовил данные, – начал было Сморода, но замолчал, увидев, как Йонас встал и подойдя к огромному комоду, вытащил из него четыре затянутые паутиной бутылки.

– Отлично, – улыбнулся Фёдор. – Мы все устали за тысячи лет и сейчас, когда до нашей победы осталось, может быть, всего три-четыре столетия, надо быть спокойными и разумными.

– Да, ты прав, как всегда прав, – тяжело выдохнул Йонас и начал открывать бутылки. Он повернулся к Смороде: – Извини, продолжай.

Выглядевший в жандармерии придурковатым служакой, тот сейчас был сосредоточен и внимателен. Главный аналитик Бондурант и не мог быть другим.

– В нашем ордене сорок тысяч братьев, – сказал он. – Половина на Земле. Немного на Марсе, немного на Венере, в космосе ведут разведку. Практически везде, где есть Вечные, есть и мы. За редким исключением, конечно.

Йонас подвинул ему бокал вина, Фёдор взял себе сам, но пить не стал, слушал.

– Мы очень редко теряли братьев за последние тысячелетия, так как в случае гибели всегда восстанавливаемся. Этот вопрос можно не обсуждать, – Сморода вытащил из нагрудного кармана листок и взгляделся в него.

– Утраты начались примерно сорок тысяч лет назад, – продолжил он. – Тогда исчезли без вести трое братьев, и ещё пятерых нашли с разможжёнными головами. Восстановить их мы так и не смогли. Потом были ещё единичные случаи, подобные этим. Всего мы потеряли восемнадцать братьев за эти тысячелетия. Последний раз такое было семь тысяч лет назад и вот снова началось.

Йонас с Фёдором переглянулись. Они не занимались безопасностью ордена, ею ведал Сморода. Выходило, что кто-то начал охоту на орден. И скорее всего, это Вечный.

– Скорее всего, действуют Вечные, – сказал Сморода. – Но это не они.

Коллеги молча посмотрели на него.

– Вечные открыли бы охоту, придумали поголовную проверку, а ничего не происходит, – пояснил Сморода. – Всё это непонятно и страшно. Мы не знаем, в чём угроза, откуда она и когда будет нанесён следующий удар.

Фёдор налил себе вина, понюхал его, поморщился, но уловив непроизвольное удивление Йонаса, улыбнулся, дескать, всё в порядке.

– Есть события, которые никто и никогда не может контролировать, – он отпил немного. – Мы про это знаем. Они происходят даже в группах, где не больше двух человек. Да что говорит, даже с отшельниками и одиночками случается необъяснимое.

Подвинув к себе бутылку, Йонас пару раз нюхнул горлышко и хмуро посмотрел на помощника экзарха.

– Я вижу тут этого Кикаху, – сказал Фёдор. – Первый случай безвозвратного уничтожения нашего брата за долгие годы был на Венере, в прошлом году. Свидетелем тому оказался раб, рассказавший об этом Кикахе. А этот жандарм, в свою очередь, попал в проверку, инициированную дураком Борбаном. Потом мы сами поручили Кикахе разобраться с Хейденом, так как от него очень близко к проекту «Секира». И Кикаха, на Венере, свидетель уничтожения ещё одного нашего брата.

– События закручиваются вокруг него, – наконец-то заговорил Йонас. – Он явно, и очевидно, невольно, является стержнем этих происшествий.

– Да, – кивнул Фёдор. – Включилась цепочка Рейгана.

Сморода закинул голову назад и выдохнул. А Йонас опять нахмурился и недоумённо посмотрел на Фёдора. Тот опять налил себе вина и снова улыбнулся.

– Понятно, значит, Кикаху надо убить, пока ситуация не раскрутилась и не разнесла всё, что попадётся, – улыбнулся Йонас.

Цепочка Рейгана – в центре грандиозных событий человек, который не хотел их наступления, и даже порой не знает о них, но своими действиями только раскручивает ситуацию. Такое происходило много раз много лет, но только при Рейгане события, инициированные его безответственностью и обманной уверенностью всемогущества стали причиной многих печальных происшествий, ставших международными и зацепившие буквально весь мир. Аналитики Бондурант исследовали это явление и с тех пор не старались не допустить включения цепочки Рейгана. Это могло угрожать им, причём опасность просчитать было невозможно. Цепочка Рейгана создавала ситуативный хаос, и никакие расчёты не могли помочь, даже сами эффективные колдуны сходили с ума в такое время. Бондурант в таких случаях не церемонились, а убивали всех, кто мог стать началом цепочки. Кикаха, он же Матвей Жебрак, был приговорён.

– Я сейчас не припомню, устранение главного звена цепочки Рейгана влияло на ситуацию? – вдруг спросил Йонас.

– Почти никогда, – ответил Фёдор. – Кстати, сам Рейган, ставший катализатором крушения тогдашней цивилизации, умер лет за сорок до её распада. Но цивилизацию это не спасло.

Сморода недоумённо взглянул на Фёдора. Тот хотел улыбнуться, но получилось только дёрнуть уголком рта – напряжение было велико. Он кашлянул.

– Просто неизвестно, что надлежит делать в такой момент, – сказал он. – Но делать что то надо. Я полагаю, что ликвидация Кикахи убержёт нас от более печальных последствий, например, вмешательства в ситуацию Вечных, того же Демута с его головорезами. Пока нам удаётся быть для них невидимыми. А Кикаха может раскрутить своё следствие, начатое нами, между прочим, до таких уровней, что Великий Усмиритель подключится к нему и Понтификат влезет, и другие Вечные. Так у них появится шанс узнать о нас.

– Уже, – хрипло сказал Сморода. – Уже влезли.

Он встал, и схватив початую бутылку, начал пить из горлышка. Йонас и Фёдор молча ждали.

– Присмотрщики за семьёй Кикахи доложили, что его жене привезли деньги от Службы Демута, – пояснил Сморода. – А наблюдатели за обителью святого Торреса видели, как Демут встречался там с Кикахой.

– Значит, вопрос закрыт, – подытожил Йонас. Фёдор кивнул.

– Мы кончим его на Луне, – Сморода опять хлебнул вина из бутылки. – При пересадке на земной шаттл. Лучше, конечно, на Венере, там бы никто разбираться не стал. Место поганое, и всякое случается. Но резидента нашего там прикончили неизвестным пока оружием из руки мёртвого раба, а без него никто из Бондурант на Венере не справится. К тому же я велел им укрыться на время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.